
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 46 НОЯБРЬ 1983

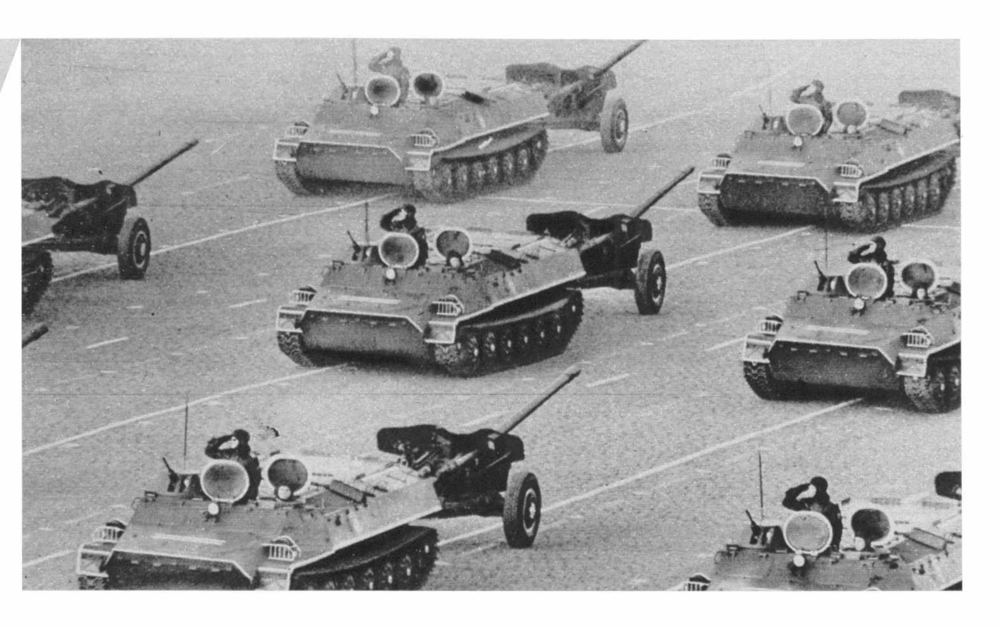
МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

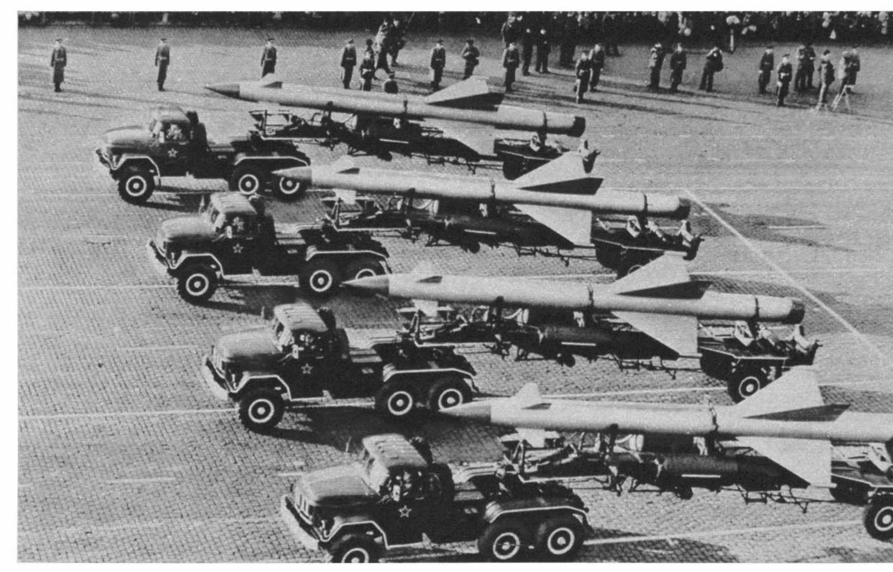

7 НОЯБРЯ 1983 ГОДА

Фоторепортаж с Красной площади вели Дм. Бальтерманц, А. Бочинин, А. Гостев, А. Награльян

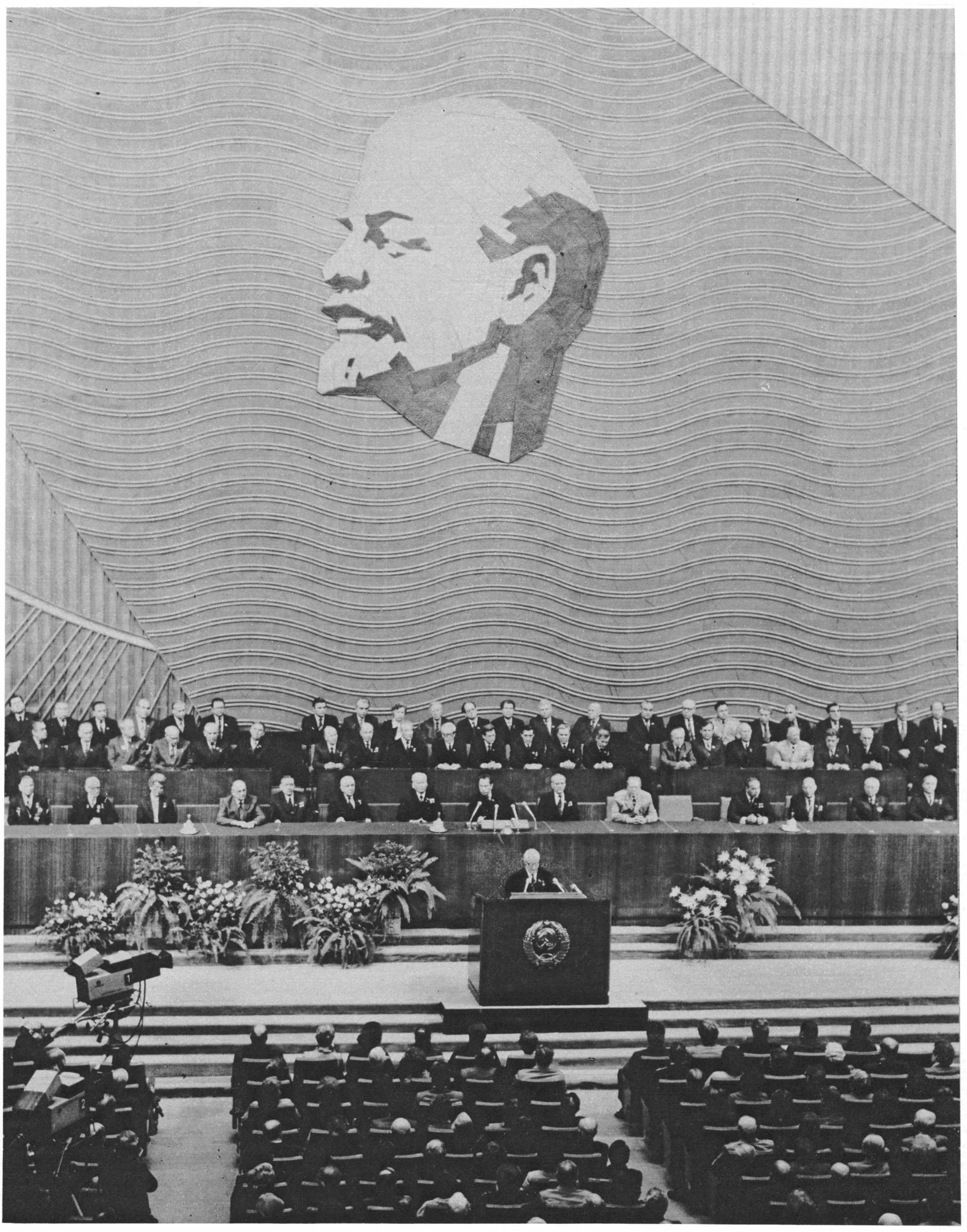

СЛАВА
ВЕЛИКОМУ
ОКТЯБРЮ!

Москва, Кремлевский Дворец съездов. 5 ноября 1983 года. Торжественное заседание, посвященное 66-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (2939)

12 НОЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

В. П. МИШИН,
академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии

КОСМОС МИРНЫЙ

Мы живем в сложное время. Оголтелая политика империалистических кругов, прежде всего администрации США, направлена на безудержную гонку вооружений. Им уже мало Земли, они пугают народы войной из космоса. И не просто пугают, а готовятся к широкой милитаризации космического пространства. Можно ли представить себе больший цинизм и пренебрежение интересами всего человечества?

Руководитель нашей страны Ю. В. Андропов четко определил советскую позицию по этому вопросу. Космическое оружие, если оно будет создано, безусловно, будет представлять собой опаснейший фактор дестабилизации международной обстановки. Космос должен служить только делу познания и мира. Это твердая позиция нашего государства, советских ученых.

Главное, что всегда, с самых первых дней, было отличительной особенностью советской космонавтики — ее мирная направленность, решение самых разнообразных задач в интересах науки и народного хозяйства. И еще одна особенность — интернациональный характер советской космической программы, постоянное стремление нашей страны к самому широкому сотрудничеству в исследовании и освоении космического пространства. Свидетельство тому — многочисленные многосторонние и двусторонние соглашения по проведению космических экспериментов в мирных целях, где СССР, как правило, выступает их инициатором, безвозмездно предоставляя в распоряжение ученых других стран необходимую ракетно-космическую технику.

Обе эти особенности нашей программы находят убедительное подтверждение и в эти дни.

Вот уже четыре с половиной месяца работают на борту орбитальной станции «Салют-7» Владимир Ляхов и Александр Александров. Все длительные пилотируемые полеты — это насыщенная программа научных исследований и экспериментов. Космонавты выполнили большое количество астрофизических наблюдений, продолжили технологические эксперименты, имеющие важное значение для будущего. «Космический дозор» много времени и внимания уделяет визуальным наблюдениям Земли и фотографированию ее поверхности в различных спектральных диапазонах. Эту информацию, как всегда, с нетерпением ждут геологи и гляциологи, специалисты сельского и лесного хозяйства, животноводы и мелиораторы — всех трудно даже перечислить, ведь полученные на Земле материалы рассылаются только в нашей стране по сотням адресов. Их ждут и ученые стран — участниц программы «Интеркосмос» и специалисты Франции. Ведь многие научные приборы, с которыми работают сейчас космонавты, созданы совместными усилиями специалистов этих стран: аппаратура прекрасно зарекомендовала себя на космических орбитах.

Создание автоматических грузовых кораблей (один из них пришел недавно на «Салют»), налаженный грузопоток «Земля — орбитальная станция» позволили значительно расширить возможности станций. Теперь на орбите можно заменять устаревшее оборудование, доставлять на борт топливо и научную аппаратуру для проведения новых экспериментов, запасы воды и пищи для космонавтов. Два «Прогресса» приняли и разгрузили Ляхов и Александров. А корабль снабжения «Космос-1443», доставивший на станцию целых три тонны грузов еще до начала экспедиции, позволил и вернуть на Землю несколько сот килограммов материалов с результатами проведенных исследований.

Недавно мы стали свидетелями блестяще выполненных работ в открытом космосе.

Эксперименты на орбитальной станции все время усложняются. В связи с этим на ее борту появились установки, требующие повышенного расхода электроэнергии. Поэтому заранее планировалось, что уже в полете космонавты установят дополнительные панели солнечных батарей. Эти довольно громоздкие конструкции в компактно сложенном виде доставил на станцию «Космос-1443». Ляхов и Александров дважды выходили на поверхность станции, проведя в общей сложности около 6 часов в открытом космосе наедине со Вселенной.

Работы по установлению дополнительных солнечных батарей, учитывая особые условия, без всякой натяжки можно назвать ювелирными. Они позволили еще больше расширить возможности орбитальной станции.

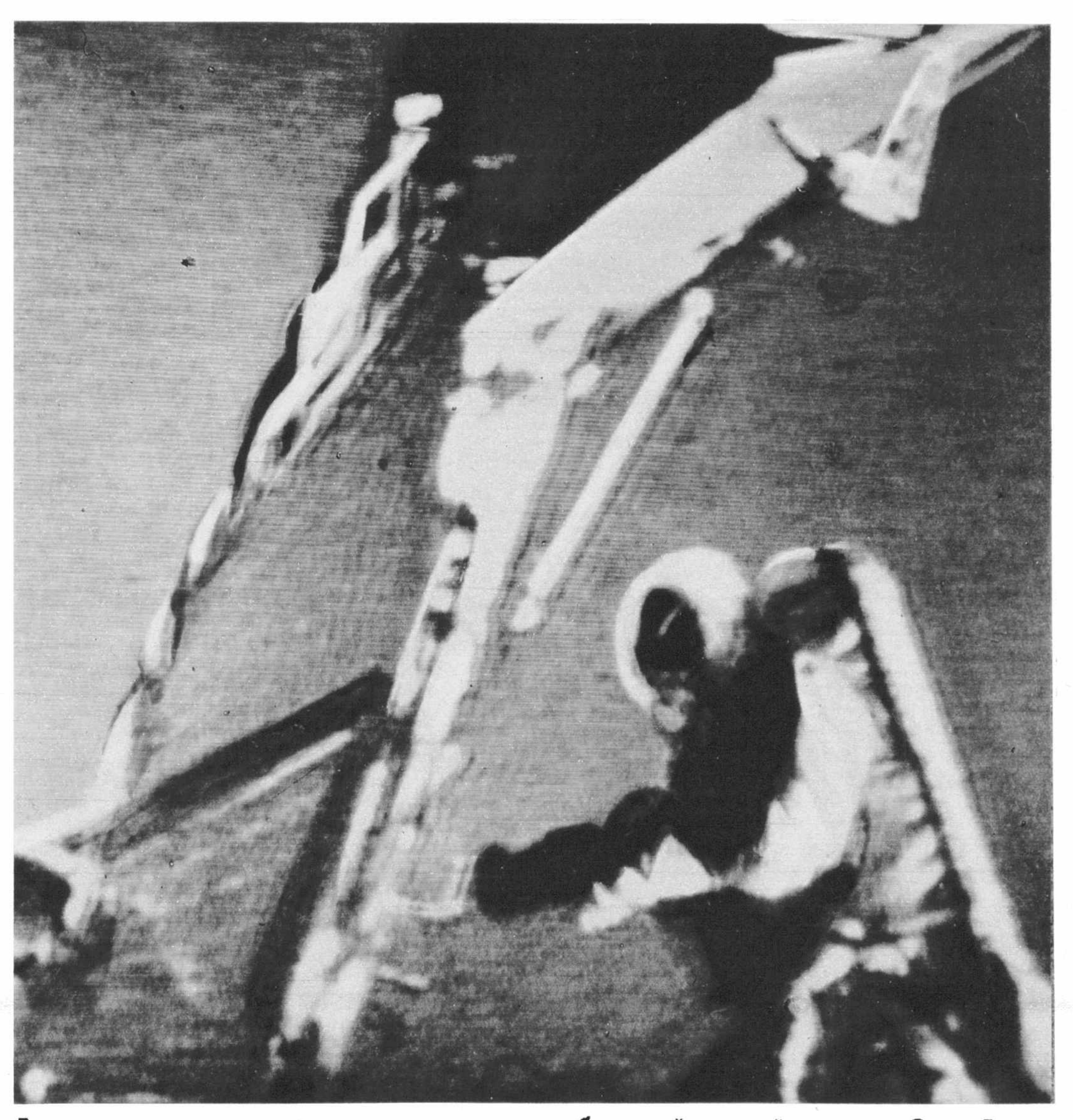
Еще в 1965 году Сергей Павлович Королев говорил: «Летая в космосе, нельзя не выходить в космос, как, плавая, скажем, в океане, нельзя бояться упасть за борт и не учиться плавать... Это связано с целым рядом операций, которые могут потребоваться». Справедливость этих слов лишний раз подтвердил экипаж станции «Салют-7». Владимир Ляхов и Александр Александров проявили мужество и высокое мастерство космонавтов.

Сделан еще один важный шаг на пути к разработке больших постоянно действующих орбитальных лабораторий и заводов будущего. Создание их, безусловно, потребует проведения многочисленных монтажных работ в открытом космосе.

Огромный интерес у астрофизиков вызвал запуск автоматической обсерватории «Астрон», оборудованной уникальными приборами — ультрафиолетовым и рентгеновским телескопами с высокой разрешающей способностью. Уже более полугода работает «Астрон», регистрируя процессы, происходящие в удаленных от нас районах Вселенной. Ученые ожидали получить интересную информацию, но то, что уже получено, превзошло все ожидания, и, как это часто бывает в науке, возникли новые вопросы. Так, например, у некоторых галактик впервые установлен рост интенсивности излучения в близкой к ультрафиолетовой части спектра. А в созвездии Геркулеса вдруг «исчез» источник рентгеновского излучения, наблюдаемый ранее.

С помощью «Астрона» удалось получить спектр сверхновой звезды в одной из соседних галактик; весьма важным явилось открытие очень больших скоростей истечения материи из звезд, характерного для звезд-гигантов. Но самое неожиданное — обнаружение таких звезд.

И, наконец, исследование одной из самых загадочных и интересных планет — Венеры. Именно советские межпланетные станции впервые провели прямые измерения в атмосфере планеты, впервые осуществили мягкую посадку на ее поверхность, передали на Землю изображение поверхности, в том числе и цветное, исследовали ее грунт. И это при давлении на поверхности почти в сто атмосфер и температуре около 500 градусов Цельсия!

Впервые в практике пилотируемых полетов на орбитальной научной станции «Салют-7» выполнены ранее запланированные уникальные монтажно-сборочные работы в открытом космосе. Космонавт А. Александров во время повторного выхода в открытый космос. Снимок получен по телекосмической связи (ТАСС).

В Центре управления полетом во время выхода космонавтов в открытый космос.

Фото В. Кузьмина (ТАСС)

Радиолокаторы советских автоматических станций «Венера-15 и 16» изучают недоступные для наблюдений всеми другими способами «белые пятна» планеты — ее полярные области. Уже проведены первые съемки поверхности, составлены первые карты. Качество полученных изображений, четкость, высокая разрешающая способность превосходят все, что удавалось получить до сих пор. Составляется и тепловая карта планеты.

И мы вновь вспоминаем Сергея Павловича Королева, Мстислава Всеволодовича Келдыша — первых инициаторов полетов к Венере и Георгия Николаевича Бабакина, блестяще продолжившего дело, начатое Королевым.

Важное место в советской космической программе уделяется спутникам прикладного назначения. И в этом году запущено несколько таких спутников, в том числе серии «Космос», для исследования природных ресурсов Земли. Огромны богатства нашей страны, бесконечно разнообразна ее природа. Наша задача — рациональное их использование и охрана: потомкам мы должны оставить Землю еще более прекрасной, чем сейчас. И в этом неоценимую помощь людям оказывает космическая техника.

Гуманная миссия возложена на спутники — спасатели потерпевших бедствие судов и самолетов. По программе международного сотрудничества КОСПАС-САРСАТ в нашей стране запущен второй такой спутник — «Космос-1447». Десятки людей в разных странах своей жизнью обязаны этим спутникам, с помощью которых очень точно определялось местоположение попавших в беду, благодаря чему их удавалось быстро вызволить. Программа КОСПАС-САРСАТ лишний раз подтверждает необходимость и полезность совместных работ специалистов различных стран в мирном использовании космической техники.

Советские связные спутники не только позволили в очень короткое время охватить телевизионным вещанием практически всю территорию нашей страны, они широко используются для обмена информацией между разными странами. Спутники «Молния», «Радуга», «Горизонт», очередные запуски которых были осуществлены в этом году, хорошо зарекомендовали себя в международной космической системе связи «Интерспутник». Мы стоим за самый широкий обмен информацией между государствами и народами, но информацией объективной, призванной служить делу мира и прогресса, позволяющей людям лучше узнать и понять друг друга.

Еще основоположник космонавтики К. Э. Циолковский занимался ракетами не ради простого интереса к новой проблеме, но ради того идеала будущего материального устройства человеческого общества, который он себе представлял. Циолковский мечтал о расселении человечества по всей Солнечной системе, о возможно более полном использовании энергии Солнца, о более удобной жизни в среде без тяжести, о городах в межпланетном пространстве. И советские ученые — создатели ракетно-космической техники целенаправленно и последовательно воплощают идеи нашего великого соотечественника в жизнь.

Совсем иначе представляют космическое будущее человечества милитаристские круги Запада. Всячески препятствуя международному сотрудничеству в мирном использовании космической техники и космического пространства, США пересматривают космическую программу в интересах милитаристов, мечтающих о мировом господстве. В Вашингтоне приступают к обсуждению пятилетней программы по разработке оружия космического базирования. Готовятся испытания противоспутниковой системы, которая сможет уничтожать и вполне мирные спутники других государств, создано даже космическое военное командование...

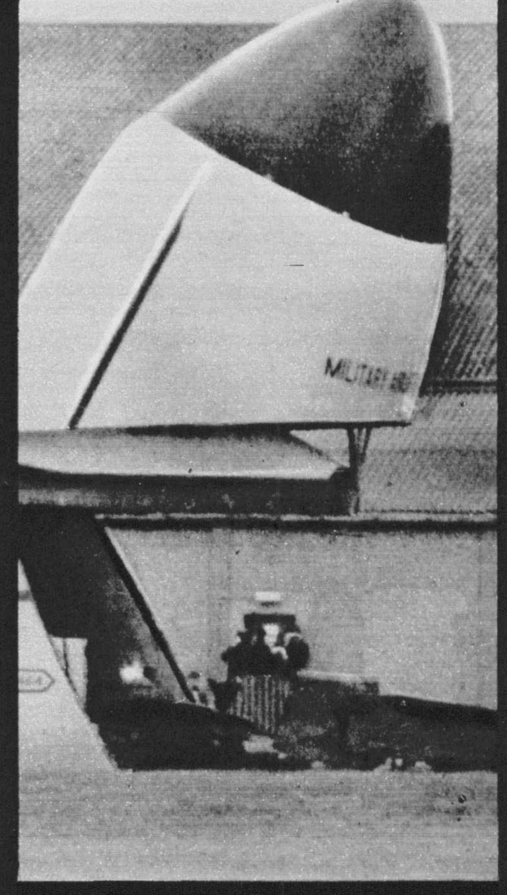
Я, как и все советские люди, уверен, что в конце концов здравый смысл возьмет верх и наступит время, когда на всех ракетах мира, этом совершеннейшем творении человеческих рук, вместо ядерных боеголовок будет устанавливаться только научная аппаратура, помогающая нам все глубже проникать в тайны Вселенной, использовать ее могущественные силы во благо человечества.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ СОЛОМЕНЦЕВ
К 70-летию со дня рождения

Фото И. Филатова

...Открылась аппарель гигантского военно-транспортного самолета «Гэлакси», прибывшего из США на английскую авиабазу Гринэм-Коммон. Началась выгрузка доставленного туда оборудования для крылатых ракет наземного базирования. И не случайно его переброска осуществляется именно по воздуху.

Власти Великобритании и США всерьез обеспокоены решимостью английских сторонников мира не допустить развертывания в Гринэм-Коммон крылатых ракет. Приняты также дополнительные карательные меры в отношении участников лагеря мира, устроенного у территории этой авиабазы. Для расправы с ними прибыли дополнительные полицейские силы и армейские подразделения.

Фото АП — ТАСС, журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

ТРЕВОЖНЫЙ ПУЛЬС ПЛАНЕТЫ

Развалины больницы в Ричмонд-Хилле, Гренада. В результате артиллерийского обстрела с американских кораблей здесь погибло около пятидесяти человек. Имеются также и другие сообщения о многочисленных жертвах среди гражданского населения острова.

Народы мира все настойчивее требуют немедленного вывода из Гренады вторгшихся туда интервенционистских войск США. Они клеймят позором агрессивную политику американского империализма в Центральной Америке.

На снимке: «Вахта протеста», устроенная у консульства США в Дюссельдорфе (ФРГ) жителями этого города.

Фото ЮПИ — ТАСС.

А. Кантемиров. Род. 1949. ЭСТАФЕТА. 1982—1983.

Всесоюзная художественная выставка «Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве».

Н. Касумов. Род. 1928. СОРЕВНОВАНИЯ В ГОРАХ. 1982—1983.

Всесоюзная художественная выставка «Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве».

Евгений **АНТОШКИН**

Одной земною радостью хранимы

ПЕЛА МАМА...

Пела мама про соловушку,
Что вернулся по весне.
Гладила мою головушку,
Словно пела обо мне:
— Где ты, птенчик,
В небе кружишься?
Срок пришел ложиться спать,
Подрастешь,
Тогда научишься
Выше облака летать.
С добротой людской
подружишься
И не будешь век жалеть.
Подрастешь,
Тогда научишься
Песни ласковые петь.
Будешь первым чувством
мучиться,
Станешь время торопить.
Подрастешь,
Тогда научишься
И влюбляться и любить.
Спи, мое земное солнышко,—
Слышал я уже во сне...
Пела мама про соловушку,
А казалось,
Обо мне.

* * *

Недаром миром правят мудрецы...
И ты поймешь, наверное,
С годами:
Земля сначала
В золоте пыльцы
И лишь потом
Одарит нас плодами...
И, как былинный Муромец Илья,
Ты ждал свой миг,
Покуда годы мчались.
Твое пока неведомое «я»
Ветра веков
Под звездами качали.
И вот уже
В тебе простора ищет
Та сила,
Что дремала до сих пор...
Так спит огонь,
Травы уснувшей тише,
Так спит вода
По склонам темных гор,
То облаком,
То снегом притворившись.

* * *

Ты память мою не трогай...
Я берегом детства иду.
Припрятанной в сено острогой
Себе добываю еду.
Ты память мою не трогай...
Чем дальше,
Тем горе видней:
Бредут по январским дорогам
Бездомные толпы людей.
Ты память мою не трогай...
Не знал я страшнее дорог.
В клок сена уткнувшись,
На дрогах
Я в смертном ознобе продрог.
Ты память мою не трогай...
На мне ее мета видна.
Вставать по воздушной тревоге
Чуть свет научила она.
И клубни замерзшей картошки,
И поздней поры колоски,
И черные взрывы бомбежки
Ложатся еще на виски.
Ты память мою не трогай...

* * *

Лыж раскатистые полозья
По хрустящему насту бегут
Через просеки,
Тропы лосьи,
Танцы заячьи на снегу.
По замерзшим кустам бересклета,
По закованным льдом берегам.
Мимо тропок уснувшего лета
Путь уходит все дальше к снегам.
Звуки разные ловит ухо
В хрупких зарослях камыша.
Странным блеском играет округа,
Странным чувством горит душа.
Словно белая кипень сада,
Вдруг закружит все в белизне.
И последние снегопады
Путь прокладывают весне.
В этом ветреном многоголосье
Снова видятся сквозь пургу
В хлопьях просеки
Тропы лосьи,
Танцы заячьи на снегу.

* * *

Уже теплей утрами солнце светит.
Пришла весна.
Что нужно для души?
Звенит капель.
Поет в сосульках ветер.
Она приход отпраздновать
спешит.
Там гнездышко овсянки
приютилось,
А там, вверху,
Грачиное гнездо.
И столько новых звуков появилось
Среди ветвей, кустов и проводов.
Замолкнут, может, только
на минуту
И снова и стрекочут и поют.
И рядом с человеческим уютом
Пичуг непритязательный уют.
Одной земною радостью хранимы
И человек и птица на кустах.
И все на свете, значит,
Неделимо,
Когда нас окрыляет доброта.

БЕЗУТЕШНО ПЛАЧЕТ МАТЬ

Безутешно плачет мать
В ранней рани...
Начинает вспоминать
Об Иване.
Не дождаться ей вестей
От Сергея,—
На какой-то высоте
Прах развеян...
Не пришел и он домой,
Младший —
Гриша.
Удалой был,
Озорной,
Ростом вышел...
Возле дома своего
Ходит снова.
То покличет одного,
То другого.
Проглядела все глаза:
Где же внуки?..
И бежит,
Бежит слеза
Прямо в руки.

* * *

Ты о чем
На солнечной опушке
Волховала, вещая кукушка?
Показалось,
Что в начале дня
Куковала только для меня.
Я хотел поверить
И поверил.
Стал года считать
И стал гадать:
Все мои отметила потери,
Все мои счастливые года.
Как она усердно куковала,
Не хотела ничего скрывать.
Все, казалось,
В первый раз совпало...
Оказалась в первый раз права.
Где же до сих пор ее носило,—
Ветер сбил с пути
Или туман?
Может, как и в детстве,
Пошутила,
Незлобивый вспомнив свой
обман?
Как мне понимать ее иначе?
И гнетет, гнетет меня тоска...
Посулила в первый раз удачу,
Не сказала,
Где ее искать.

ДВОЕ

При народе миловались,
Светлой радостью хмельны.
Затаенные сбывались
За семью замками сны.
Мало ль что кому покажется?
Ходит кругом голова...
Но быстрей людская катится
Расторопная молва.
Поплывет над деревенькой
Беззастенчиво она.
Мол, тихони
Фенька с Венькой,
Словно муж,
Словно жена.
Сплетни сплетнями
Остались,
Не касаясь нас двоих...
До утра кусты шептались:
Ты — невеста,
Я — жених.

* * *

Крик диких лебедей
Под звон весенних льдинок,
Над судьбами людей,
Над зеленью
Барвинков.—
Все ближе к берегам,
Где звезд родных сиянье...
И горы
И снега
Уже за расстояньем.
Им надо в срок
Успеть.
Их дали
Укачали.
Но прежде чем взлететь,
Они в лугах кричали.
А значит,
Сквозь года
Дорогу без усилья
И ты найдешь всегда,
Когда расправишь крылья.

* * *

Да, эта женщина мудра,
С глазами доброй оленихи.
Слывет волшебницей пера
Среди восторженных и тихих.
Заманит в плен тебя игрой,
Причастная к извечной тайне.
И как обманчиво порой
Глубоких глаз ее мерцанье.
В безумстве чувства торопя,
Готов ее прославить в оде.
Она уходит от тебя,
А кажется тебе —
Приходит.
Зачем поверил ты вчера
В душевный гул неразберихи:
Что эта женщина мудра,
С глазами доброй оленихи.

КОНИ

Что нам сделали кони?
(Мы их нежно любили.)
Дружбы давние корни
Вдруг шутя
Обрубили.
А не их ли шагами
По земле мы шагали?
С ними
Дрались с врагами,
С ними
Свадьбы играли.
Мы еще не забыли,
Как из теплых ладоней
Их, как братьев,
Поили,
Уходя от погони,
Как мы в седлах
Качались,
По векам
Проносились...
А теперь мы их взяли,
В одночасье
Сгубили.
Мчат ракеты и «ИЛы»,
О межзвездье
Мечтаем.
Лошадиные силы,
Как и прежде,
Считаем.
И гудят километры —
Мир от скорости стонет.
И срываются ветры
С опустевших ладоней.

ЗЛОЙ ДЕМОН ГОР

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Мы шли вверх по склону наперегонки с облаками. Ветер — их главный тренер — явно посмеивался над нашими потугами, потому что облака легко обгоняли нас и, оставляя на глыбах гранита мокрые следы, уносились прочь. Шагать крутизной по камням и осыпям здесь, на высоте свыше трех тысяч метров, было делом нелегким. Не хватало воздуха, ноги дрожали от напряжения, в висках начинали стучать острые молоточки. Приходилось останавливаться, присаживаться, и тогда, словно по заказу, раздвигался облачный занавес, открывая невиданных размеров сцену, на которой природа воздвигла свои декорации — горные кряжи Тянь-Шаня — и накрыла их, видимо, оберегая от солнечного удара, белыми малахаями снегов и зеленовато-голубыми хитонами ледников. Изысканные эти цвета изумительно сочетались с чернильным небом.

— Красота-то какая! — восхитился я.

— Дарю, — откликнулся селевик Владимир Шушарин, обведя царственным жестом и вершины, и субальпийские луга у их подножия, и бездонность неба, и горную речку Кумбельсу, к истоку которой мы держали путь, — только учтите, что там, выше, тоже красиво...

Я понял намек и встал, чтобы продолжить путь. И снова мы шли вверх, к вечным ледникам, оставляя позади себя лето. Мы шли к высокогорному моренному озеру, которое не имело названия и значилось в кадастре селеопасных озер под номером тринадцать. Я думал, что в этой цифре кроется какой-то тайный, может быть, зловещий смысл, но мои подозрения развеял кандидат географических наук Владислав Павлович Мочалов, главный специалист по селевым потокам в нашей экспедиции.

— Никакой мистики, — решительно сказал ученый, — просто порядковый номер, и не более того. Однако при определенных условиях и это озеро и любое другое в горах может стать причиной селя. Сейчас мы идем, чтобы устранить эту возможную причину...

Сели без преувеличения можно назвать злыми демонами гор: эти грязекаменные потоки чудовищной, непредсказуемой силы несутся вниз по руслам горных рек со скоростью самолета и сметают все на своем пути. В июне 1959 года, например, селевой поток на реке Прут за считанные часы разрушил 235 мостов и три с половиной сотни километров железных и шоссейных дорог. В начале 1963 года в бассейне реки Пьеве (Италия) сель унес две тысячи жизней и причинил огромные разрушения. Селевая катастрофа 1970 года в Перу оставила без крова 800 тысяч жителей, разрушила несколько городов, убила более 50 тысяч человек...

В нашей стране одно из первых мест по интенсивности и мощности селевой деятельности занимает Заилийский Алатау. Природа «наградила» этот хребет всем, что способствует образованию грязекаменных потоков: крутизной склонов, слабо защищенных скудной растительностью от эрозии, большими уклонами горных долин, мощными ледниками, десятками моренных озер, значительной увлажненностью региона, колоссальным количеством продуктов разрушения гор — от громадных глыб до щебня, песка и мелкозема, способных захватываться селем... В Казахстане находится около трехсот селевых бассейнов, по которым отмечено более шестисот случаев прохождения крупных грязекаменных потоков. Многие из них печально знамениты, как, например, сель 1921 года, ринувшийся на Алма-Ату по реке Малой Алмаатинке и разрушивший значительную часть города. Вот что вспоминает свидетель этой катастрофы натуралист В. Н. Шнитников: «Перед вечером протекающая через город река Малая Алмаатинка вышла из берегов, вода затопила ближайшие улицы, унося со дворов всякую рухлядь, кур, кошек, собак, но особенного вреда не причинила. Все спокойно легли спать, но далеко не все проснулись на следующее утро. Ночью на город ринулся вместо воды высокий вал полужидкой грязи, несший огромные каменные глыбы и разрушавший все на своем пути: дома, деревья, заборы. Всё, застигнутое этим валом, уничтожалось и сносилось с лица земли. За первым валом подошел следующий, и так с промежутками через город прошло несколько таких грандиозных грязевых валов... Когда наутро жители города стали приходить к местам наибольшего разрушения, то впечатление от того, что они увидели, было настолько потрясающим, что никто даже не обменивался ни одним словом. Все молча подолгу стояли на одном месте, совершенно подавленные, стараясь припомнить, что же было раньше на месте лежащего перед их глазами каменного хаоса или преграждающей путь глубокой промоины...»

Не менее знаменит катастрофический Жарсайский сель, уничтоживший в 1963 году красивейшее горное озеро Иссык. К слову говоря, уже начал осуществляться проект по восстановлению озера. Мощные селевые потоки сходили неоднократно по Большой Алмаатинке, Аксаю, Тургеню, Кумбельсу, Каскелену и другим горным рекам. Вот почему именно в Казахстане, в Алма-Ате, была создана десять лет тому назад «Казглавселезащита» — организация, призванная оградить города и поселки от каверз злого демона гор — организация, единственная в своем роде в нашей стране. Теперь столица республики надежно защищена от коварства природы. Непробиваемым щитом встали на пути селей плотины на Малой и Большой Алмаатинках, глухие запруды, сквозные селеловушки, железобетонные отстойники и руслостабилизирующие каскады... Алмаатинцы помнят, какую важную роль сыграла плотина в Медео, спасшая город от поистине катастрофического селя, возникшего в 1973 году в результате прорыва моренного озера у ледника Туюксу. Тогда на Алма-Ату катилась громадная грязекаменная волна со скоростью 10 метров в секунду и высотой с семиэтажный дом. Позже гидрологи подсчитали, что на город могло обрушиться не менее 4,5 миллиона кубометров грязекаменной массы — почти в полтора раза больше, чем в 1921 году, — и 1,5 миллиона кубометров паводковой воды. Но щит против селя оказался надежным.

Кроме строительства плотин, разработан целый комплекс противоселевых мер, цель которых сводится к профилактике, к устранению причин, способствующих зарождению селей. Установлены круглосуточные дежурства гидрологов на центральном диспетчерском пульте «Казглавселезащиты», куда стекаются данные от десятков селевых постов. Здесь же хранятся паспорта всех моренных озер. В них регистрируются «биография» и характер каждого такого водоема, многолетние наблюдения и малейшие изменения в их поведении...

Второй час мы карабкаемся по беспорядочно набросанным глыбам. Все ближе языки ледников и моренное озеро № 13, которое я начинаю уже тихо ненавидеть. Там, у кромки снегов, мы вскоре встретимся с «заоблачными парнями», которые поставят по рекомендации селевиков щит против возможного селя, и мне не терпится посмотреть, как это все будет. Молодые инженеры-гидрологи Коля Попов и Юра Макаренко, прихватив нивелир и рейку, давно убежали вперед. Нам с Мочаловым их не догнать, да я и не жалею об этом: Владислав Павлович — ходячая энциклопедия по селям. Кажется, нет вопроса, который бы поставил его в тупик.

— Почему сели в общем-то чаще случаются ночью? — спросил я.

— Это легко объяснимо, — ответил Мочалов. — На горных реках пик водосброса приходится на вторую половину дня, когда таяние достигает максимума. Значит, и морены насыщаются более всего влагой именно к вечеру, становятся легкоподвижными, поэтому и возможен их внезапный прорыв, способный вызвать сель...

— Но как узнать, созрело или нет какое-либо моренное озеро для выброса?

— Только неустанно наблюдая за селеопасными районами, только так. Это тем более важно, что нет двух моренных озер, абсолютно похожих друг на друга. Вот, например, это самое тринадцатое... Дремало, дремало, а потом приготовило нам небольшую шараду, которую мы обязаны разгадать. Сейчас увидим, в чем там дело...

Мы как раз подходили к тринадцатому. «Заоблачные парни» — жилистые мощные мужчины с ломами и лопатами (никакая техника сюда забраться, разумеется, неспособна) — уже были наготове. Они составляли своеобразный летучий отряд «Казглавселезащиты», который при необходимости забрасывался вертолетом в тревожный район. Озеро притворялось спокойным и тихим, безмятежно отражая окружавшие его горы. Но гидрологи знали, что традиционное русло, по которому оно сбрасывалось в долину, вдруг пересохло, а весь сток стал уходить неведомо куда через подземный грот, образовавшийся в левой части озера. В этом и состояла шарада... Гидрологи посовещались и решили, что времени терять нельзя. Рано или поздно исчезающая вода найдет себе выход, но сколько ее скопится там, в неведомой глубине морены, и когда, с какой силой вырвется она оттуда на свободу, никто предсказать не мог. Вот так, в неизвестности и тишине, зарождается сель. Чтобы предотвратить его, необходимо углубить вход в традиционное русло, направив туда основной поток, и одновременно преградить доступ воде в таинственный грот. Тогда, предполагали селевики, вода вновь пойдет по старому руслу, поверху, превратившись в обычный ручей, а уровень озера стабилизируется...

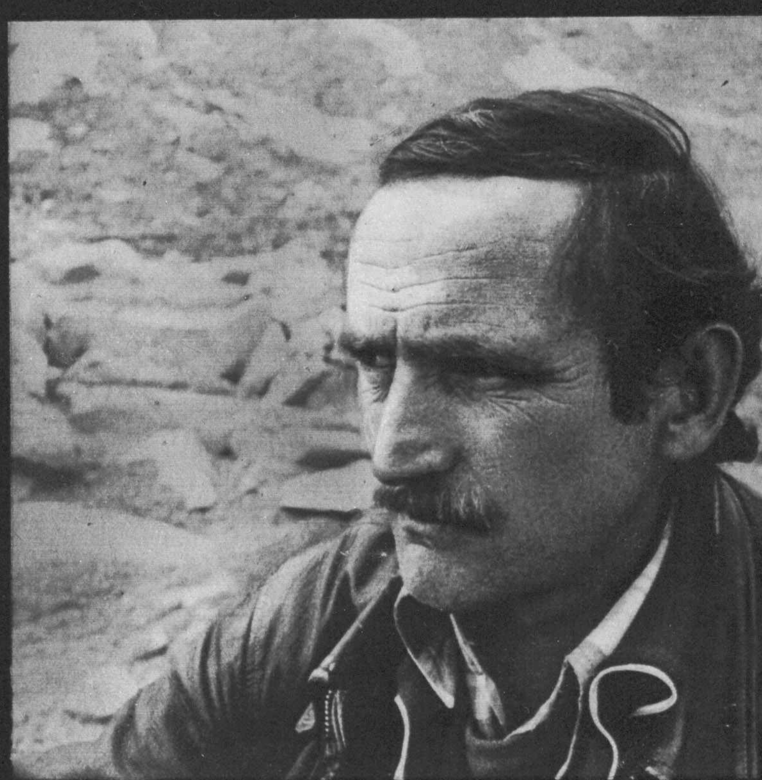
И настал час «заоблачных парней». Одни помогали ломами и лопатами найти потоку праведный, как они говорили, путь. Другие набивали мешки песком, плюхали их в ил, укрепляли тяжелыми камнями, создавая плотину на пути в грот. От ила пахло рыбой и морем. К вечеру сток в грот заметно упал, зато основной поток пошел старым, проторенным путем, теперь уже собственной мощью все более расширяя и углубляя его. Через несколько десятков метров он нырнул под камни, в глубину морены, и должен был появиться теперь далеко внизу, оживив свое высохшее русло. На центральный диспетчерский пульт и на все нижние посты наблюдения полетела радиограмма: «Сегодня в 14.00 начались работы по опорожнению озера № 13 в верховьях реки Кумбельсу. Просим усилить наблюдение за состоянием селевого очага и русла реки».

Понаблюдав еще немного, как «заоблачные парни» воздвигали щит против селя, мы отправились прямо по морене вниз, вдогонку за пущенной водой. Мы слышали, как она гудела под нашими ногами, под камнями, но догнали поток лишь спустя час. Он уже вырвался из-под валунов и входил в свое русло. Расчеты гидрологов оправдались, теперь озеро номер 13 ничем не грозило долине. Щит против селя сработал...

Здесь прошел грязе-каменный поток.

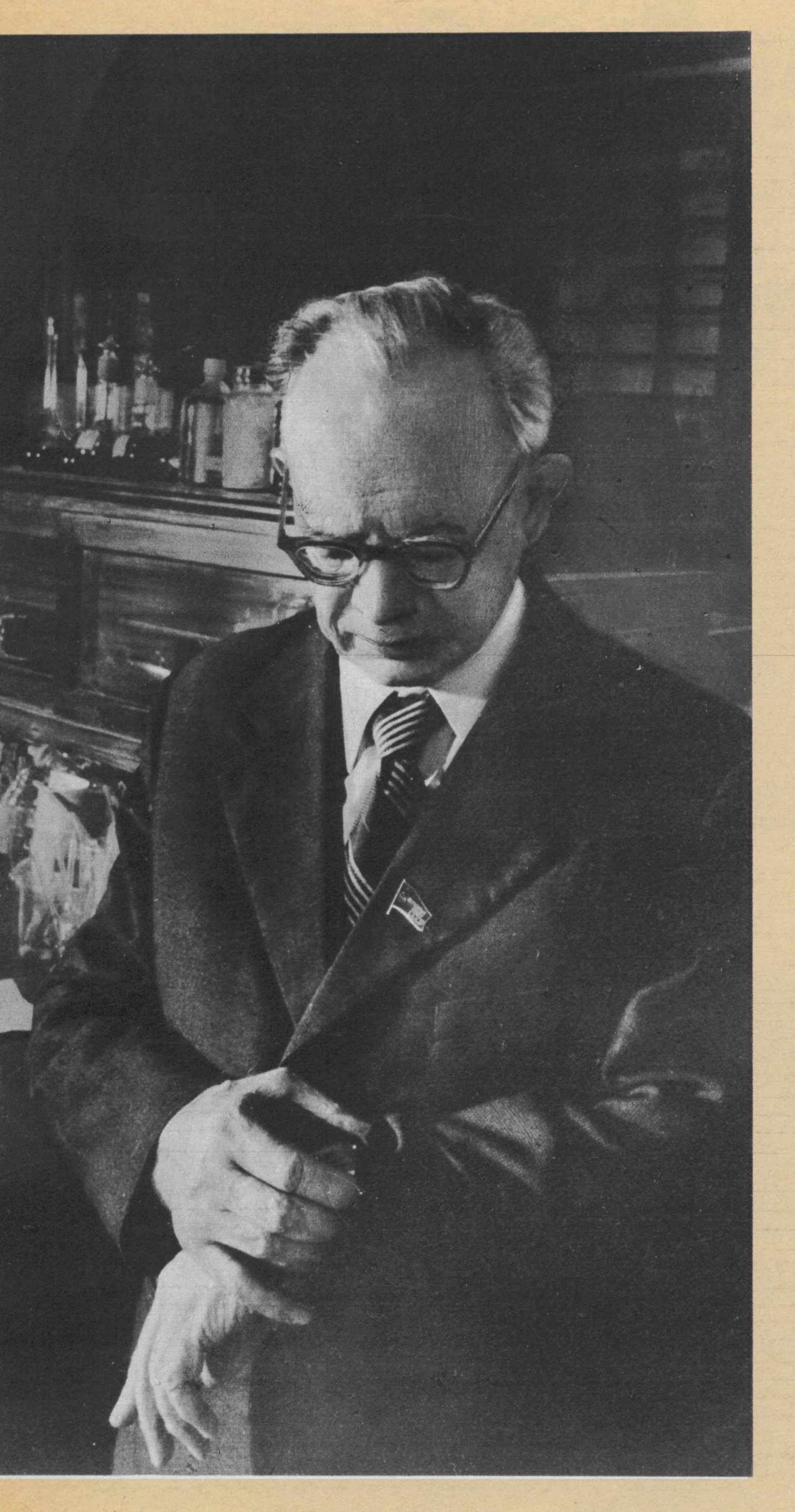
В таких условиях может зародиться сель.

Гидролог Владимир Шушарин.

На центральном диспетчерском пульте «Казглавселезащиты».

ИНТЕРВЬЮ В СТАРИННОМ КАБИНЕТЕ

В уютной аудитории Химического института имени Бутлерова, где я ожидаю академика Арбузова, тишина. Пахнет купоросом, мокрым мелом, масляной краской. За окном в сумраке моросящего дня черные стволы лип, торопливые группки студентов размывают капли дождя, стекающие по стеклу. Все, что сзади: строгие скамьи, почтительно отступившие от демонстрационного стола, сегментной своей формой повторяющего планировку аудитории; книжные шкафы, заполненные фолиантами ученых записок,— хранит в себе, кажется мне, само таинство времени. Здесь звучали голоса мужей, чьи имена составляют славу не только химической школы Казанского университета, но и отечественной науки.

Институт готовится отметить 80-летие со дня рождения выдающегося представителя казанской химической школы, Героя Социалистического Труда, академика, талантливого педагога и организатора науки, депутата Верховного Совета СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР и Татарской АССР Бориса Александровича Арбузова. К юбилею готовятся не только Казанский университет и Казанский филиал АН СССР, к нему готовится вся научная общественность страны. Если перечислить тематику научных интересов Б. А. Арбузова как автора классических работ в различных областях органической химии, то к тем 11 томам, собравшим в себя более 1300 научных работ — научное наследие юбиляра, можно будет прибавить 12-й.

«Борис Александрович пунктуален. Никакие дела не могут его заставить опоздать на работу»,— вспомнил я замечание одной из сотрудниц, знакомившей меня с институтом. И вовремя: по истертым ступеням института поднимался академик Арбузов.

По рукопожатию человека можно сказать многое. Ладонь у академика большая и сильная. При дальнейшем знакомстве я заметил: руки его живут как бы самостоятельно. Взгляд твердый и, если бы не эта отрешенность, отличающая постоянную работу мысли, можно было бы сказать, неприветливый. Он, по выражению Гоголя, немногоглаголив. Говорит невыспренно, сжато, по существу.

— В юбилеях есть одна положительная сторона,— пробуя пошутить, говорю я, пока мы проходим через вестибюль,— есть повод сделать ремонт.

— Лучше все-таки с ремонтом без такого повода,— серьезно отвечает Борис Александрович.

Рабочий кабинет академика Арбузова мемориальный. Здесь работал А. М. Бутлеров. За этим небольшим письменным столом великим химиком была создана теория строения органических соединений. Обстановка кабинета полностью сохранилась. На тех же местах стоят книжные шкафы из красного дерева, на тех же полках книги. К столу придвинуто удобное и красивое кресло, в нем сидел Бутлеров. Но вот уже более ста лет никто из его преемников, каким бы высоким научным и общественным престижем ни обладал, не позволил себе изменить традиции: для работы за этим столом используется обтянутый кожей табурет, стоящий с противоположной стороны стола.

Я поинтересовался: каким образом институт — рабочее учреждение — мог сохранить свое имущество в течение ста пятидесяти лет, словно музей?

— Могло быть иначе,— присаживаясь на знаменитый табурет и указывая на одно из кресел, отвечал Арбузов.— В начале войны мы получили приказ освободить помещение под военный завод. Начали упаковывать оборудование. Через несколько часов приезжает академик О. Ю. Шмидт, показывает приказ Сталина, в котором было поручено ректорату Казанского университета принять сотрудников АН СССР. Научные исследования продолжать совместно. Ознакомив с приказом, О. Ю. Шмидт отправился в город скупать все имеющиеся в продаже кровати...

— А как вы жили и работали в годы войны? — спрашиваю я.

— Сажали картошку,— вспоминает Борис Александрович, глядя на свои руки, лежащие на столе.— У нас была большая семья. Когда из Ленинграда приехала к нам опухшая от голода сестра и увидела тарелку с картошкой, она ахнула и только спросила: «Неужели все это можно съесть?» Ходили на пристань разгружать баржи. Как-то в начале войны с Александром Николаевичем Несмеяновым пришлось разгружать баржу с лесом. Несмеянов был тогда еще членом-корреспондентом. Опыта докера у него было маловато. Бревна были тяжелые. Он оступился и упал в трюм... и выбрался оттуда без единой царапины. Но в основном мы работали в лаборатории,— продолжает Арбузов.— Приходили к де-

вяти. В одиннадцать, двенадцать ночи возвращались домой. Но так мы работали и до войны и после нее.

Разговаривать с человеком и здесь же щелкать фотокамерой всегда как-то неловко. Мне кажется, это отвлекает собеседника и должно раздражать его. Но иногда другого выхода нет. С разрешения Бориса Александровича я достаю камеру и в течение разговора время от времени пытаюсь сделать его портрет. Глядя сквозь увеличительные стекла объектива, когда все внимание сконцентрировано на самом существенном, самых характерных особенностях лица, рук и характера человека, я заметил, годы войны оставили в академике глубокий, неизгладимый след.

— В чем вы, Борис Александрович, видите отличие науки сегодняшнего дня, положим, в сравнении с тем временем, когда вы начинали свою карьеру ученого? Не наблюдаем ли мы сегодня процесса перехода качества в количество?

— Изменилась не наука. Изменились методы научных исследований, методы анализа, усложнилась техника эксперимента. Сегодня, например, мы широко используем в исследовании строения органических молекул физические методы, такие, как молекулярная спектроскопия, спектроскопия ядерного магнитного резонанса, и т. д. Требования дня в значительной мере увеличили темпы исследований. Если раньше в большей мере те или иные достижения в науке зависели от таланта, знаний, интуиции одного ученого, то сейчас дело обстоит иначе: для успешной работы все перечисленные качества необходимы, но их недостаточно. Наука сегодня — это в большой мере коллективное творчество, коллективный поиск. Чрезвычайно усложнился в общем потоке поиск необходимой информации и ее обработка. Помимо этого, надо учитывать, что идет бурный процесс дифференциации науки, ее разветвление. В то же время основные открытия нас ждут на стыках, в пограничных зонах и областях знания. Над одной проблемой сегодня работают вместе и биологи, и физики, фармакологи, химики и врачи... Вы говорите о качестве, я понял, имея в виду подготовку молодых специалистов? Здесь, думаю, все зависит от самого студента. Ему дают необходимые знания. В дальнейшем его научный рост в значительной мере зависит от него самого, его таланта и трудолюбия.

Перечисляя звания и заслуги Бориса Александровича Арбузова, необходимо добавить: он является почетным доктором университетов в ГДР и ПНР; членом Химического общества Франции; бессменным вот уже более 20 лет директором Химического института имени Бутлерова; заведующим лабораторией в Институте органической и физической химии имени отца академика А. Е. Арбузова.

Оказавшись в этой лаборатории, я был приятно удивлен тем, что кое у кого за стеклами книжных шкафов или на столе я видел фотографии Бориса Александровича. Надо заметить, что сотрудники лаборатории — народ молодой, но серьезный: из 30 сотрудников — три доктора, десять кандидатов химических наук. Люди они, конечно, все разные, но в стиле общения друг с другом, в отношении к делу чувствовал я в них нечто общее: это симпатичный интеллигентный народ. Однако позже в разговоре с академиком понял, что и табурет и фотографии за стеклом — это одна из форм выражения почтения к человеку и заслугам ученого. Потом, листая биографию А. М. Бутлерова, написанную академиком Арбузовым-старшим, я прочел: «Его открытый, благородный характер, его приветливое и внимательное отношение к каждому, кто обращался к нему с какою-либо просьбой или за каким-либо советом, наконец, его обычай работать на глазах у всей лаборатории и не делать никаких секретов или таинств из своих научных занятий, привлекали в его лабораторию способную, преданную науке молодежь». Так вот оно!.. Бутлеровская школа — это продолжение не только научных традиций: меркантилизм, такие, к примеру, случаи, как защита диссертаций лишь с целью получения ученой степени, среди людей, работающих с академиком Арбузовым, считаются делом, недостойным ученого. И это — традиция. Андрей Оскарович Визель, старший научный сотрудник лаборатории, в разговоре как-то сказал: «Борис Александрович принадлежит к той категории ученых, которые всеми силами поддерживают творческую атмосферу среди своих учеников и сподвижников».

Можно было бы перечислить десятки химиков, получивших химическое образование непосредственно под руководством самого Арбузова и сделавших ряд выдающихся научных исследований в его лаборатории. Но вернемся в кабинет института имени Бутлерова.

— Вы спрашиваете о практическом использовании наших исследований? Сейчас мы, например, совместно с аналитиками, фармакологами и врачами-клиницистами закончили работу над созданием одного лекарственного препарата. Как показали завершившиеся клинические испытания, новое лекарство эффективно при лечении таких заболеваний, как воспаление легких и инфекционные заболевания, включая и грипп. В конце этого года начинается его серийное промышленное производство. Можно было бы продолжить перечень таких работ, но в этом, наверное, пока нет необходимости.

У академика Арбузова нет секретарей. Любой сотрудник в любое время имеет возможность обратиться к нему и как к директору института и как к депутату. Я вижу, как стеклянную дверь кабинета приоткрыла старший научный сотрудник института Александра Васильевна Фуженкова. Это значит, по договоренности с ней, что мое время истекло.

И все же, прежде чем распрощаться, задаю академику Арбузову свой последний вопрос:

— Что в конечном счете должна преследовать Наука, если это слово писать с заглавной буквы?

— Это тот случай,— отвечал академик, глядя на большие свои руки, положенные на стол,— когда двух мнений быть не может. Ее цель одна — благо человека.

А. МАЛОВ
Фото автора

страницы минувшего

МАТРОС КОШКА

С Севастополем — городом-героем, городом, где тесно переплелись века и события, связана судьба и матроса Петра Кошки, о беспримерной храбрости которого ходили легенды.

В старинной деревне Замятинец Каменец-Подольской губернии (ныне село Ометинцы Винницкой области), где появился на свет и провел последние годы жизни Петр Кошка, из поколения в поколение передаются рассказы о бесстрашном земляке, о его подвигах, совершенных на севастопольской земле.

Сын крепостного крестьянина, он с детства познал тяжесть подневольного труда, нужду, деспотизм помещицы Докедухиной. Под развесистой старой грушей, росшей у дома, Петр часто слушал рассказы стариков и своего отца о Запорожской Сечи, о крестьянском движении под руководством Устима Кармалюка. Юноша рос энергичным, непокорным. И помещица постаралась избавиться от дерзкого крепостного, сдав его в рекруты.

Вскоре Петр впервые ступил на севастопольскую землю и был определен в 30-й флотский экипаж матросом 2-й статьи. Пять лет нелегкой службы прошли в беспрерывных плаваниях и походах, в тяжелом матросском труде, в изучении военного дела.

В октябре 1853 года началась Крымская война, а в сентябре следующего года армии Англии, Франции и Турции высадились в Крыму. Началась 349-дневная героическая севастопольская эпопея.

Петра Кошку вместе с другими матросами 30-го флотского экипажа назначили на батарею, находившуюся на Корабельной стороне. Именно здесь Петр Кошка совершил те подвиги, которые сделали его известным всей России. По словам его боцмана Рыбакова, Кошка «был молодец редкой отваги», он участвовал в восемнадцати вылазках и, кроме того, часто действовал в одиночку: проникал во вражеские траншеи, захватывал ружья, брал в плен солдат противника, добывал ценные сведения.

В январе 1855 года Кошка совершил подвиг, который прославил его среди севастопольцев. Находясь в секрете, поручик Голубев послал Кошку за обедом в казармы. По дороге Петр решил посмотреть, что делают в ближайших траншеях англичане. Подойдя довольно близко к неприятелю, он увидел фигуру человека и принял его за англичанина, но потом пригляделся и узнал убитого накануне своего товарища. Кошка решил перенести тело товарища на бастион. Но за матросом уже давно следили — и наши и англичане. Едва Кошка двинулся к убитому, как наши, думая, что он намерен перебежать, открыли огонь. Англичане, поджидая его, не стреляли. Кошка подполз к убитому, нашел английские носилки, положил на них товарища и благополучно добрался до бастиона.

За это его произвели в квартирмейстеры. Еще ранее, в ноябре 1854 года, начальник севастопольского гарнизона вручил Петру Кошке знак отличия Военного ордена. О Петре Кошке заговорили газеты и журналы, художник В. Ф. Тимм написал его портрет, а императрица прислала «Крест благословления». Позже П. Кошку дважды представляли к наградам, но представления «затерялись». Он по-прежнему проникал в расположение противника, ходил в атаки, был дважды ранен. В конце января 1855 года знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов писал: «Теперь в госпитале на перевязочном пункте матрос Кошка... его хватили на вылазке штыком в брюхо, но, к счастью, штык прошел только под кожею».

Участник обороны Севастополя Н. Берг оставил описание внешности героя: «Ко мне вошел, широко шагая, матрос, среднего роста, сухощавый, но крепкий, с выразительным скуластым лицом, на нем была черная куртка с галунами и белые брюки, на шее свисток, в петлице «Георгий». Известно также и то, что Кошка был «лицом малорябоват, волосом рус, глаза серы... грамоту — не знал».

После оставления Южной стороны Севастополя Петра Кошку «уволили за раною в продолжительный отпуск». К пяти годам службы ему прибавили десять лет, шесть месяцев и пятнадцать дней — во время обороны Севастополя месяц службы считался за год.

Старожил села Ометинцы столетний Гавриил Иванович Грищенко, знавший Петра Кошку, вспоминал в 1955 году, что герой Севастопольской обороны с первых дней столкнулся с нуждой, так как земельного надела не имел. Бывший матрос подряжался ходить с обозами в Херсон, Николаев, Одессу, работал в лесничестве. Народная память сохранила черты характера Кошки: справедливый, прямой, он всегда приходил на выручку попавшим в беду. Эконом помещицы и городовые побаивались смелого молодца, на груди которого сверкали медали.

В 1863 году военные чиновники, вспомнив, что отпуск квартирмейстера Петра Кошки затянулся, приказали вернуться на службу. В августе того же года его зачислили в 8-й флотский экипаж Балтийского флота.

В это время в Петербурге жил другой герой севастопольской обороны — генерал-лейтенант С. А. Хрулев. Вскоре после назначения генерала командиром 2-го армейского корпуса к нему явился Петр Кошка и напомнил, что до сих пор не получил знаков отличия Военного ордена высших степеней, к которым был дважды представлен. Хрулев принял живое участие в судьбе героя и немедленно написал прошение управляющему морским министерством. Вскоре Петру Кошке был вручен знак отличия Военного ордена 2-й степени.

Прослужив несколько лет, кавалер двух знаков отличия Военного ордена и двух медалей окончательно вернулся в родное село. Умер он в феврале 1882 года пятидесяти четырех лет от роду и похоронен на местном сельском кладбище.

Советские люди не забыли героя Севастопольской обороны. В 1955 году на родине Петра Кошки и в Севастополе были открыты его памятники. Бюст героя находится в здании панорамы «Оборона Севастополя 1854—1855 гг.» наряду с другими героями Крымской войны. Названа его именем и одна из улиц города-героя.

В. ШАВШИН

КОГДА ТЕРЯЕТСЯ ДОВЕРИЕ...

КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ

З. КРЯКВИНА

До чего же важен для руководителя, какого бы он ранга ни был, личный авторитет! Стоило, к примеру, рабочим специализированного управления «Отделстрой» узнать, что доселе уважаемый бригадир штукатуров Вдовин стал частенько появляться под хмельком, и личное влияние Геннадия Ивановича на дела коллектива пошатнулось...

А через некоторое время новый конфуз. Вдовин и трудиться стал спустя рукава. Тут уж рабочие и вовсе стали на него косо смотреть. И, недолго думая, пожаловались на недостойное его поведение в совет бригадиров.

Поначалу Геннадий Иванович не понял, что же так взволновало товарищей. «Подумаешь, что тут особенного?— недоумевал он.— Ну, был в гостях вечером. Опохмелиться-то надо!» Но когда люди поставили вопрос о том, что с таким руководителем вообще не хотят работать, то он и вовсе удивился: бригада давно на виду, ему доверяли, прислушивались к его слову, начальство с ним считалось — и Вдовин никак не мог смириться с мыслью, что все вдруг изменилось.

...Бригада, которую он возглавлял около трех лет, действительно заслуживает добрых слов: она необычна, единственная в своем роде в системе Минтяжстроя УССР. Была создана пять лет назад. Первым бригадиром был Михаил Сергеевич Лярский. Инженеры проектно-конструкторского бюро треста «Донортгехстрой» предложили ему освоить декоративную штукатурку — под камень. Она прочна, долговечна и отвечает современным эстетическим требованиям. И коллектив освоил ее успешно, хотя трудоемкость при этом возросла: стало восемь операций вместо трех при обычной штукатурке. Михаил Сергеевич несколько усовершенствовал процесс, предложил набрасывать и сглаживать стеклокрошку широкой металлической пластиной. Попробовали — дело пошло на лад. Но Лярский по состоянию здоровья вскоре из бригады ушел, и новым руководителем стал Геннадий Иванович Вдовин, строитель тоже опытный.

Главный инженер управления Владимир Кузьмич Рудой показывал мне цеха, школу, столовую, дома, строительство которых вел комбинат «Ворошиловградхимстрой». И везде тут красоту наводили отделочники. Мы проехали по Северодонецку, Рубежному, были в Лисичанске, Кременной. Любовались перламутровыми бликами, игравшими на стенах Дворца культуры в Рубежном.

— Этот дворец и снаружи и внутри отделывала бригада Вдовина,— говорил Рудой.— И здание общественных организаций, что напротив, тоже ее работа. Здесь мы впервые применили штукатурку под камень. Смотрите, прошло несколько лет, а дом будто только что принят.

Словом, о бригаде слава шла по всей области: и планы она выполняла и о качестве не забывала. Рабочие трудились на совесть. И было очень обидно, когда сложившийся в коллективе микроклимат начал меняться к худшему. И что самое прискорбное — по вине бригадира.

Люди рассказывают об этом откровенно, хотя и с горечью.

— Вначале мы некоторые вольности Геннадия Ивановича посчитали случайностью, не приняли всерьез,— рассказывала Раиса Барковская.— Между тем его промахи стали повторяться. А дело от этого страдало: переезжаем, например, на другой объект, а там фронт работ не готов; сам же бригадир даже и не знает, что материалы не завезены. Пытались говорить с Геннадием Ивановичем по-дружески, интересовались, не случилось ли что дома, в семье, не нужна ли какая помощь. И это его не остановило, не заставило одуматься. Он даже стал обижаться: дескать, не ваше это дело, невелик грех, если я иной раз выпью.

Мастер Лидия Григорьевна Шморгун, человек душевный, отзывчивый, не раз беседовала со Вдовиным. Начальник участка — Иван Григорьевич Шамаров, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, и участок его самый лучший в управлении — тоже пытался повлиять на Геннадия Ивановича, образумить его. Как-никак вместе проработали не один десяток лет... Но Вдовин не внимал голосу товарищей, не подействовали на него и административные меры. Не понял, что ему, руководителю, нельзя терять свое лицо, нельзя даже в мелочах компрометировать себя. И глядя на него и в бригаде кое-кто стал работать с прохладцей, нашлись и любители пропустить рюмку-другую.

...И вот идет заседание совета бригадиров. Вопреки всем ожиданиям начальник участка Шамаров, прораб Хатминский и мастер Шморгун вместо строгой и принципиальной оценки поступков бригадира пытаются смягчить его вину и даже выгородить: мол, специалист он хороший, надо дать ему возможность исправиться. С такой позицией можно было бы согласиться, если бы Вдовин правильно отнесся к критике товарищей, признал бы свои ошибки, дал бы слово в корне изменить свое поведение. Но он изобразил гордыню, чувствовал себя незаменимым, не захотел внять голосу товарищей.

Совет бригадиров принял решение освободить Вдовина от руководства коллективом, и администрация согласилась с таким решением.

Встал вопрос: кому доверить бригаду? Рабочие назвали Евгению Андреевну Рузанкину. Она была заместителем бригадира, дело знала. Человек она добросовестный, трудолюбивый и чуткий, людей понимает с полуслова: где надо, спросит, где надо, поможет или подскажет. В управлении поддержали кандидатуру Рузанкиной и не ошиблись. Постепенно обстановка в бригаде нормализовалась.

— Конечно, это произошло не сразу,— рассказывала штукатур Вера Линник.— Поначалу Евгения не проявляла нужной требовательности, вроде бы стеснялась власть употребить. Зато дорога́ она другим: справедливостью, бескорыстием. И, глядя на то, как она старается, неловко работать спустя рукава. Чуть что не так, Евгения сразу замечает; иногда, ой, как не хочется переделывать, но куда деваться — честь бригады превыше всего! Наша бригадирша предложила сообща отвечать за труд каждого. Мы как бы по-новому взглянули на свой труд, стали экономить время, сами контролировать свою работу.

— При Вдовине,— вступает в разговор Людмила Веремьева,— все беды казались легко объяснимыми: не хватает материалов, цветной стеклокрошки, износилось оборудование. Вот, если все это дадут, обеспечат, пришлют — сразу все станет на свое место. А о порядке в собственной бригаде заботы было меньше всего. Евгения начала с дисциплины. Сама строго следит, чтобы материал всегда был заготовлен и чтоб мы штукатурили без лишних перекуров. А если случается, что надо кому-то отлучиться — всякое бывает,— то каждый из нас «прибавляет» усердия, и к концу смены непременно выдаем положенные квадратные метры.

Рузанкина не только бригадир, она и руководитель одного из звеньев, которое как раз и ведет штукатурку стеклокрошкой. Здесь только женщины. В тот день, когда я познакомилась с девчатами, они отделывали танцплощадку. Работа спорилась, и, словно чувствуя это, штукатуры весело переговаривались, шутили, что вот, мол, совсем скоро здесь загремит оркестр и они первыми откроют бал. Одна из них — это была Люда Веремьева — отошла подальше, полюбовалась работой подруг, похвалила, довольно улыбнулась и вновь принялась наносить пасту. У Люды сегодня день рождения. Поутру подруги преподнесли ей букет ярко-красных роз. А в бытовке ее ждал красочный поздравительный адрес с остроумным рисунком. «Замысел, правда, мой,— смутилась Рузанкина,— но сделал знакомый художник. Уж очень хотелось Людмилу порадовать».

От такого внимания сердца теплеют, несхожие на первый взгляд люди становятся ближе друг к другу. У Нины Понаморенко недавно родилась дочка, так о том, как малышка себя чувствует, знает вся бригада. Тон снова задает Евгения Андреевна. А между тем у самой забот хватает: двое детей.

Ну, а как же чувствует себя в бригаде мужская часть коллектива? Дело в том, что есть в ней такое звено и возглавляет его Петр Иванович Киричук. Мы застали его на хирургическом комплексе в городе Северодонецке. Сам звеньевой и штукатур Николай Федорович Беспорточный висели в люльке между четвертым и пятым этажом и отделывали серый бетон светлым колером. Потом черной краской вычерчивали четкие квадраты. Вячеслав Трунов и Сергей Матвиевский возились у штукатурной станции и о чем-то оживленно разговаривали с масте-

ром. Как выяснилось, речь шла о новых моделях оборудования. Ребята только что закончили училище, в бригаде они начинают свою производственную биографию, и, видно, им здесь нравится. В общем, чувствуется, что в коллективе царит обстановка деловая и дружная.

— Самое главное, что Евгения Андреевна душой болеет за дело,— говорит мастер участка Л. Шморгун.— И еще — наставник она хороший. Молодежь растет не по дням, а по часам. Ее ученица Раиса Барковская прекрасно освоила профессию, уже сама передает опыт новичкам, избрали ее комсоргом.

Встретившись с Рузанкиной, я поинтересовалась, как она чувствует себя в новом качестве.

— Трудно приходится,— вздохнула бригадир.— Ведь опыта по руководству у меня не было. К каждому особый подход нужен. Придет человек на работу не в настроении, сгоряча наговорит тебе невесть чего, а ты должна сдержаться, может, даже успокоить его и в то же время работу потребовать. Вот и ломаешь голову, чтобы правильную линию выбрать. Чувствую, правда, что порой мне твердости не хватает. Иногда подумаю о наших передовых бригадах, и возьмет сомнение: смогу ли я встать с ними вровень? ФЗО да почти четверть века на стройке — вот и все мои университеты. А у Марии Павловны Калюжной, депутата Верховного Совета СССР,— у нее тоже бригада штукатуров — образование высшее да и опыта побольше моего. Встретились как-то с ней, разговорились, пожаловалась ей на свои беды, а она мне в ответ: «Ничего, Евгения Андреевна, не робей — не боги горшки обжигают. Я, когда стала бригадиром, тоже многого не умела, не знала. Жизнь всему научит, было бы желание. Да и на курсы бригадиров поедешь, подучишься». И начальство меня крепко поддерживает, особенно мастер и начальник участка. Хотя у Шамарова десять бригад, но Иван Григорьевич пока ко мне приезжает почаще, где что подскажет, а где и просто словом подбодрит. Главный инженер бригаду под особым контролем держит.

Тревоги и волнения бригадира, однако, не разделяет начальник управления Валентин Григорьевич Герасимов.

— Рузанкина на своем месте,— уверенно говорит он.— Бригада с каждым днем набирает темп. Мужчины, правда, иногда еще вспоминают Вдовина, что и говорить, при нем некоторым жилось вольготнее. А Евгения Андреевна во главу угла поставила дисциплину, четкий распорядок и, что очень важно, взаимоконтроль. В целом коллектив крепко стоит на ногах, держит свою рабочую марку.

...А что же Вдовин? Перешел в другую бригаду, работает маляром по высшему разряду. Говорят, что и пить почти перестал. Видно, жесткие меры возымели действие. Хочется верить, что он вновь обретет уважение товарищей.

Ворошиловградская область.

АРГУМЕНТЫ ГАРРИ КАСПАРОВА

Мы публикуем первую статью нашего нового шахматного обозревателя М. Е. Тайманова. Более 30 лет Тайманов носит почетный титул международного гроссмейстера. За это время он участвовал в десятках крупнейших международных турниров и добивался высоких результатов. В составе советской команды Марк Тайманов был победителем Олимпиады, дважды претендовал на звание чемпиона мира, завоевывал первенство СССР. Марк Евгеньевич Тайманов — автор многих шахматных книг, член Союза журналистов СССР.

**Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»**

Не нужно особой проницательности, чтобы представить, в каком смятенном состоянии отправлялся на турнир в Югославию Гарри Каспаров. К естественному предвкушению долгожданных встреч с прославленными коллегами примешивались чувства обиды, горечи и разочарования от несправедливого решения президента Международной шахматной федерации, лишившего его, претендента на первенство мира, возможности продолжать борьбу за высший шахматный титул.

Еще свежи были впечатления от разыгранного в Пасадене фарса, когда В. Корчной, заведомо зная, что его партнер по полуфинальному поединку Г. Каспаров по веским причинам не согласился играть в этом американском городе и в данный момент находится в другом полушарии, сделал первый ход, пустил часы и терпеливо дожидался запланированного финала, когда президент ФИДЕ объявит его победителем несостоявшегося матча.

Это было ударом не только по Каспарову, но и по сложившимся традициям справедливой спортивной системы, выдержавшей испытание в течение трех с половиной десятилетий. Недоумение и беспокойство шахматного мира еще более усилилось, когда вслед за Каспаровым по чисто формальным поводам и уже без всякого «декорума» от борьбы за высший титул был отстранен и почтенный экс-чемпион В. Смыслов.

Международный гроссмейстер Г. Каспаров.

Для Г. Каспарова в затянувшемся конфликте требовались новые весомые аргументы. Они заключались прежде всего в демонстрации своей силы. Успех подчеркнул бы абсурдность принятых решений. И накануне решающего конгресса ФИДЕ темпераментный гроссмейстер рвался в бой.

Состязание в городе Никшиче было для Гарри Каспарова счастливой возможностью вновь раскрыть свое дарование в полной мере. Этот турнир, посвященный шестидесятилетию лидера югославских шахмат Светозара Глигорича, собрал на редкость представительный состав. Достойно и по-боевому отметить юбилей уважаемого коллеги приехало целое «созвездие» знаменитостей.

В подобных состязаниях не бывает фаворитов, и успех достается в жестокой борьбе. Тем удивительнее легкость, с какой самый юный участник «сражения при Никшиче» завоевал победу. Гарри Каспаров, захватив лидерство на старте, развил такой стремительный темп, что уже за три тура до конца стал недосягаем, а в итоге занял первое место, опередив ближайшего соперника Б. Ларсена на целых два очка! В состязаниях такого ранга его результат—11 очков из 14 возможных — можно назвать сенсационным. Как подметила югославская пресса, Г. Каспаров выиграл больше партий, чем Петросян, Таль, Андерссон и Тимман, вместе взятые! На целых 20 пунктов повысил Г. Каспаров свой индивидуальный коэффициент и достиг рейтинга, превышающего рубеж в 2700, что под силу только самым выдающимся гроссмейстерам.

Если к этому добавить, что по окончании турнира в Никшиче Гарри Каспаров легко занял первое место еще и в гроссмейстерском блиц-турнире (где, кстати, дважды обыграл специально приехавшего на это соревнование В. Корчного), станет очевидно, что цель, поставленная нашим гроссмейстером — обратить внимание шахматного мира на абсурдность искусственного отстранения его от борьбы за первенство мира,— оказалась выполненной блестяще!

И конгресс ФИДЕ внял этим убе-

дительным аргументам. Как сообщили из Женевы, президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес отменил свое первоначальное решение, и справедливость восторжествовала. Требование шахматного мира о том, чтобы судьбы претендентских матчей на мировое первенство определялись только за шахматной доской, было выполнено, несмотря на все трудности,— долгожданные полуфинальные поединки Г. Каспарова с В. Корчным и В. Смыслова с З. Рибли начнутся в двадцатых числах ноября в Лондоне.

Забудем о конфликте. Говорят: «Кто старое помянет — тому глаз вон!» А кому же не хочется следить за этими увлекательными матчами — в оба глаза!

Говоря об аргументах Гарри Каспарова, нельзя ограничиться одной лишь спортивной стороной его достижения в Никшиче. Не менее интересны творческие итоги выступления нашего гроссмейстера. Чтобы не быть голословным, предлагаю одну из партий, сыгранных Гарри Каспаровым в Югославии. Она характерна для смелой и яркой манеры игры талантливого шахматиста:

Г. Каспаров — Л. Портиш

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kf3 b6 4. Kc3 Cb7 5. a3... («патент» Каспарова. Этот скромный профилактический ход, направленный против выпада. 5. ...Cb4, в руках темпераментного гроссмейстера становится средством подготовки к наступательному бою) 5. ...d5 6. cd K: d5 7. e3 K:c3 8. bc Ce7 9. Cb5+c6 10. Cd3 c5 11. 0—0 Kc6 12. Cb2 Лc8 13. Фe2 0—0 14. Лad1 Фc7 (до сих пор все шло по теории, и возникшая позиция хорошо известна обоим партнерам. Любопытно, что Каспаров слывет ее приверженцем за белых, а Портиш — за черных. Тем принципиальнее становится дуэль) 15. c4... — новый ход, вероятно, разработанный Каспаровым в период его подготовки к матчу с Корчным. Идея заключается в активизации своих слонов, ради чего, как показывает дальнейшее течение партии, Каспаров готов идти даже на материальные жертвы (15. ...cd 16. ed Ka5). Портиш принимает вызов и начинает осаду уязвимой белой пешки c4.

Экс-чемпион мира, международный гроссмейстер В. Смыслов.

Может быть, он рассчитывал на продолжение 17. Лc1, где после 17. ...Cf6 у черных удобная игра? Но венгерского гроссмейстера ждет неприятный сюрприз...) 17. d5!... (только вперед! Переход демаркационной линии означает сигнал к штурму 17. ...ed) нетрудно убедиться, что в случае 17. ... K:c4 черные форсированно проигрывают после 18. Фe4 g6 19. C:c4 Ф:c4 20. Фe5 f6 21. Ф:e6+ Лf7 22. Лc1 Фa6 23. d6 18. cd C:d5. 19. C: h7+!... (Тренер М. Таля А. Кобленц как-то полушутя заметил: «Как играет Миша? Очень просто! Он сначала выводит фигуры в центр, а затем жертвует их и дает мат!» Глядя на эту партию, кажется, что такие принципы очень по душе и Г. Каспарову) 19. ... Kp:h7 20. Л:d5 Kpg8 21. C:g7! ... (решительно и смело!) 21. ...

Kp:g7 22. Ke5... (Красочная картина! Белые пожертвовали обоих слонов, но зато почти полностью лишили прикрытия неприятельского короля. При этом Каспаров учитывал, что свите «его превосходительства» не поспеть на помощь...) 22. ...Лfd8 23. Фg4+Kpf8 24. Фf5! f6. (Любознательному читателю будет, наверное, интересно самому поискать продолжение атаки за белых при других способах защиты, например, в случае 24. ...Cd6. Подскажу лишь, что поиск этот не будет бесплодным.) 25. Kd7+Л:d7 (уже приходится расставаться с частью добычи. На 25. ...Kpg7 последовало бы 26. Лd4) 26. Л:d7 Фc5 27. Фh7 Лc7 28. Фh8+!... (Как внимательно нужно играть даже в выигранных позициях! Стоило Каспарову сделать «естественный» ход 28. Лd3, и картина преобразилась бы «громом среди ясного неба». Ошеломляющий удар 28. ...Ф:f2+!! передавал инициативу черным) 28. ... Kpf7 29. Лd3 Kc4 (Пользуясь маленькой передышкой, черные пытаются подтянуть коня на защиту, но уже поздно...) 30. Лfd1 Ke5 31. Фh7+ Kpe6 (Иначе мат еще быстрее) 32. Фg8+Kpf5 33. g4+! Kpg4 (Редкое зрелище — полководец впереди своего войска, да еще под обстрелом неприятельских сил!) 34. Лd4+ Kpf3 35. Фb3+ Портиш сдался. Ему не хотелось после 35. ...Фc3 предоставлять противнику приятный выбор между 36. Лd3+ и 36. Фd5+.

Эффектная партия! Партия-аргумент!

Фото Г. КОПОСОВА

Золотые плоды осени

У каждого времени года, у каждой земли свои запахи, свой особый настой в воздухе. Молдаване убеждены, что нигде нет такого пьянящего, с неисчислимыми оттенками аромата, как в их благодатном краю в пору, когда наступает уборочная страда в садах и виноградниках. И те, кто побывал здесь в июле — октябре — в разгар сбора плодов и ягод, каким бы патриотом своих родных мест ни был, искренне, не по долгу вежливости соглашаются с хозяевами. Попробуй не согласиться, если ноздри тебе щекочет тончайший букет ароматов от фиолетово-черных с сизой бархатистой поволокой слив, гроздьев винограда знаменитых молдавских мускатов, «фетяски», «алиготе»...

А яблоки, а груши и, само собой, абсолютный чемпион по сладостному аромату — нежные персики? Словом, голова кружится, слюнки текут... И это не только в живописных селах прикодрозых и степных районов. Пьянящие воздушные волны, рожденные под щедрым солнцем в колхозных и совхозных садах и виноградниках, томно накатываются на города, обволакивая их улицы и площади.

Бывая в эту пору в Кишиневе, Тирасполе или Бельцах — городах с большими заводами и комбинатами, с оживленным движением на улицах, не чувствуешь устоявшегося запаха из выхлопных труб машин: его перебивают ароматы отягощенных плодами садов — своих, городских, и дальних, сельских.

Нынешний год не лучший в череде трудовых лет садоводов и виноградарей республики. Природа жестко испытала их мастерство; стояла засуха, какой не бывало здесь долгие годы и по силе и по продолжительности. Казалось, не выдержат ни сады, ни лоза, ни люди.

— Выдержали!— с улыбкой говорит известный виноградарь республики, Герой Социалистического Труда коммунист И. А. Гросу.— Выдержали — и у нас, в совхозе «Цветущая Молдавия», и почти по всей республике. Хотя в иных хозяйствах все же не без урона. И все-таки я скажу, что дело не в погоде, она часто — мы, крестьяне, это знаем — проявляет свой норов. Результат зависит от того, как относятся люди к делу, от культуры земледелия. А она в садах и на плантациях республики за последние годы заметно повысилась. Хозяйства стали намного больше давать в другие регионы страны ягод для потребления в свежем виде.

Иван Александрович ведет нас вдоль шпалер с лозой, уходящих далеко к горизонту. Там, где солнечные ягоды еще не убраны, за тяжелыми гроздьями почти не видно листьев.

Глаз невольно отмечает и другое: на плантациях нет «плешин».

— А это тоже относится к культуре земледелия,— поясняет Иван Александрович.— Не только в нашем совхозе, но и в других хозяйствах вот уже сколько лет настойчиво и не без успеха борются с бичом плантаций — изреженностью. Нормальная густота посадки помогла нам накопить урожай — с гектара берем не менее ста центнеров ягод. А там, где плантации с высоким штамбом, результаты еще лучше. Корни здесь глубже уходят в землю, и, значит, растения успешнее противостоят засухе. Да и собирать урожай удобнее и дешевле.

Мимо нас снуют тракторы. В тележках драгоценный груз — собранные ягоды. Неторопливо и вместе с тем быстро проходят сборщицы солнечных ягод. В страдную пору на помощь им пришли студенты кишиневских вузов. Проворные загорелые руки ловко и бережно срезают тяжелые гроздья. Буквально за считанные минуты полнятся корзины и ящики.

— За считанные?— улыбается Гросу.— Конечно, считаем мы и часы и минуты: осенний день, как и вешний, виноградарям дорог. За смену лучшие сборщицы снимают по тысяче и более килограммов ягод. Это в честь их, наших тысячниц, горят на полевых станах и центральных усадьбах хозяйств красные флаги и алые звезды.

...Над виноградником плыла песня — верная примета труда, который в радость.

А. ГРИГОРЬЕВ

МОЛДАВИЯ. На осеннем винограднике * В страдную пору на помощь хозяйствам приехали студенты. Вровень с лучшими сборщиками шел комсомолец Николай Траила * Хорошее настроение у Героя Социалистического Труда И. А. Гросу: как всегда, урожай солнечных ягод в совхозе «Цветущая Молдавия» высокий * Уборка томатов комбайном в совхозе «Прогресс».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Яблоки из сада совхоза «Оницканский» — их в числе сотен других сборщиц снимала и комсомолка Анжела Теодорович.

Е. Маковская. ПОРТРЕТ КОМПОЗИТОРА А. П. БОРОДИНА. 1870

Центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки.

Могучая нота

Исполнилось 150 лет со дня рождения Александра Порфирьевича Бородина, великого композитора. История циклична: есть время ее тишины и время ее песен, время расцвета гениев, звезд и созвездий в науках и искусствах. В этом смысле в России было несколько «эпох Возрождения» в одном только XIX веке: его начало известно как пушкинское, а конец предвосхитился зарницами обновлений во всем мире — ритмами Блока и красками Врубеля. Средина же выдвинула Толстого и Достоевского, Менделеева и Сеченова, Мусоргского и Чайковского... Бородин именно в этом ряду — титан по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености, истинный человек Ренессанса.

Один из основоположников органической химии, автор сорока двух научных работ, среди которых немало выдающихся, и автор фундаментальных научных открытий, учредитель и радетель женских врачебных курсов; и здесь же прогремевшая на весь мир опера «Князь Игорь», могучие симфонии и разнообразные камерные и фортепьянные произведения, романсы и песни, часто на стихи самого Бородина (он был и поэтом!), статьи о музыке и музыкантах — вот, не полностью, что создал Бородин для России.

Он называл себя Sonntagsmusiker — воскресным музыкантом, ибо только в праздничные дни мог уделять время искусству. С детских лет владели им две страсти: к химии и музыке; и химики жаловались, что музыка отвлекает его от науки, а художники ревновали к академической службе и лаборатории, ущемлявшим, по их мнению, великое его музыкальное дело. Но и те и другие ошибались. Бородин обладал такой мощной человеческой индивидуальностью, что сполна *выражался* во всем: «умственный» и «художественный» человек гармонично сочетались в нем, и высокая сосредоточенность натуры позволяла одновременно и *всегда* размышлять о музыке и науке, жить в них.

Мы отмечаем сегодня этот прекрасный юбилей в русском искусстве и русской науке публикацией выдержек из малоизвестных широкому читателю писем Бородина и воспоминаний о нем современников. За словами близких ему людей, за его собственными скупыми строчками — живой образ замечательного музыканта, ученого и человека.

* * *

«Гигиена нравственная так же необходима, как и физическая. И в том и в другом случае у взрослого и правоспособного человека забота об этом прежде всего должна лежать на нем самом, а не на окружающих».

(Из письма к жене.)

«Саша любил предаваться мечтаниям и улетать куда-то в сказочный мир. Толчком к таким путешествиям в тридесятое царство было все: и купидоны, намалеванные на потолке, и излюбленный уголок на печке. Очень любил Саша этот уголок. Оттуда ему виднелось какое-то окошечко и через него часть сада, именно с печки представляющегося ему чем-то волшебным. Саша часто влезал на печку и видел там необыкновенные вещи... У меня, — говорил он, — большой дворец, и там я живу. Дворец высокий-высокий — до неба».

(Из воспоминаний Е. С. Бородиной о детстве композитора.)

«Музыкальным образованием, не считая некоторого обучения игре на фортепиано, флейте и виолончели, обязан почти исключительно самому себе; музыкально-теоретическими знаниями и направлением частично обязан также влиянию личного знакомства с г. Балакиревым».

(Из биографических записей А. П. Бородина.)

«Александр Порфирьевич окончательно переродился музыкально, вырос на две головы, приобрел то в высшей степени оригинально-бородинское, чему неизменно приходилось удивляться и восхищаться, слушая с этих пор его музыку. Плоды только что почти заключенного, как раз за этот месяц, знакомства с Балакиревым сказались баснословным по силе и скорости образом, меня окончательно поразившим: в декабре он, этот западник, этот «ярый мендельсонист», только что сочинивший скерцо à la Мендельсон, играл мне почти целиком Allegro своей Es-dur'ной симфонии!»

(Из воспоминаний Е. С. Бородиной о 1862 годе.)

«Я все это время сильно был занят: писал и считал всю неделю, так что даже противно стало глядеть на цифры.— Работа эта состояла в заказе лабораторных вещей за границею... Я решительно никуда не выходил, ибо: 1) погода стояла мерзейшая, 2) не было времени».

(Из письма к жене.)

«Это какая-то бесконечность... Шуман. Как это у него чудно все разрастается!»

(Слова А. П. Бородина из воспоминаний Е. С. Бородиной.)

«Мусоргский узнал, что и я имею кое-какие поползновения писать музыку, стал просить, чтобы я показал что-нибудь. Мне было ужасно совестно, и я наотрез отказался».

(Из письма к жене.)

«Вследствие учебных и ученых занятий, всяких комиссий, комитетов, заседаний и пр. и пр. мне почти не остается досугов для музыки. Я только урывками кое-когда улучу минутку, чтобы посмотреть что-нибудь новое, послушать других и т. д. Если и есть иногда физический досуг, то недостает нравственного досуга — спокойствия, необходимого для того, чтобы настроиться музыкально».

(Из письма к певице Л. И. Кармалиной.)

«Мне как-то совестно сознаваться в моей композиторской деятельности... У других она прямое дело, обязанность, цель жизни — у меня отдых, потеха, блажь, отвлекающая меня от прямого моего, настоящего дела — профессуры, науки».

(Из письма к жене.)

«Мы (с Н. А. Римским-Корсаковым.— Ред.) засели с ним играть: сначала две прелестные фуги Баха, из которых одной я не знал вовсе (Gis-moll во второй тетради). Ужасно хороша. Это меня очень освежило после всех хлопот и суеты деловой. Затем он мне сыграл свой романс. Потом я ему наигрывал новую симфоническую вещь, которую я теперь стряпаю... От него я думал отправиться к дяде в час. Только слышу — бьют часы... Считаю: раз, два, три, четыре! Это с половины десятого-то! А между музыкою мы не забывали пропускать чаи и усидели вдвоем чуда два самовара! Я давно так всласть не музицировал и не пил так много чаю».

(Из письма к жене.)

«Как личность, как человек, Александр Порфирьевич положительно достоин удивления. Это была в полном смысле цельная личность, у которой никаких деланных принципов не было, все поступки вытекали прямо из его богато одаренной, гуманной, чисто русской натуры.

Гуманность его не имела границ. Он, можно сказать, искал сам случая, где бы он чем бы то ни было и кому бы то ни было мог быть полезен. Это положительно была его потребность... Он имел обыкновение записывать на разных лоскутках, что он должен был сделать неотложно. На этих лоскутках писалось: «сходить к Б. и попросить об Г.», «поместить в клинику А.», «выписать рецепт К.», «посоветоваться с Б. насчет Д.», «нельзя ли сделать что-нибудь для В.» и т. д. И если ему удавалось выручить кого-нибудь из тяжелого положения, он был крайне доволен...»

(Из воспоминаний химика А. П. Дианина, сослуживца А. П. Бородина.)

«Мы с Екатериной Сергеевной (женой А. П. Бородина.— Ред.) и А. П. Дианиным были на хорах в зале Дворянского собрания и сидели с правой стороны от входа. Как сейчас вижу его стоящим в конце зала у колонны с левой стороны, с заложенными назад руками.

Первая часть принята была очень холодно, и на попытки аплодировать послышалось шиканье. Вся симфония была принята таким же образом, и автора не вызывали. Что мы все чувствовали в это время, я и теперь не могу вспомнить без волнения. И это та самая симфония, которая потом вызывала восторги и в которой удивительное скерцо не проходило без повторения... Помню, что он все-таки был расстроен, и мы доказывали ему, что гений — потому он и гений, что стоит выше толпы и пониманию ее недоступен...»

(Из воспоминаний М. В. Доброславиной, знакомой А. П. Бородина.)

«Дни, недели, месяцы, зимы проходят при условиях, не позволяющих и думать о серьезном занятии музыкою. Не то что не выберется часа два досужего времени в день, — нет! не выберется нравственного досуга; нет возможности отмахнуться от стаи ежедневных забот и мыслей, не имеющих ничего общего с искусством, которые родятся и кишат постоянно перед вами. Некогда одуматься, перестроить себя на музыкальный лад, без чего творчество в большой вещи, как опера, немыслимо».

(Из письма к певице Л. И. Кармалиной.)

«Всего удивительнее в этом богатыре, в этом гигантском таланте его скромность! Будто все, что он делает,— это опыты. И в своей химии — опыты, и в симфониях — опыты, и за каждым монолитным куском «Игоря» слышал он очередной опыт».

(Слова В. В. Стасова в передаче Б. В. Асафьева.)

«Ученые... коллеги косятся на мои музыкальные занятия, видя в них поругание над ученой мантией. Вот если бы я «винтил» или занимался банковыми и биржевыми операциями — это было бы по-ученому».

(Из признаний В. В. Стасову.)

«...Наши музикусы меня все ругают, что я не занимаюсь делом и что не брошу глупостей, то есть лабораторных занятий и пр. Чудаки! Они серьезно думают, что, кроме музыки, не может и не должно быть другого серьезного дела у меня».

(Из письма к жене.)

«Под конец учебного года я так завален всякими комиссиями, комитетами, экзаменами, диссертациями, отчетами, лабораторными работами и проч., что совершенно непригоден для дружеской переписки. В эту эпоху я вполне напоминаю того Фрэнсиса в одной из хроник Шекспира, который на все вопросы способен отвечать только: «Сейчас! Сейчас!»

(Из письма к певице Л. И. Кармалиной.)

«Завидная выпала молодцу доля:
Добыча богатая, вольная воля
И нежные ласки жены молодой.
Море бурно шумит,
Волны седые катит,
Борется с морем пловец удалой,
не робеет;
Казалось, он справится с бурной
волной, одолеет...

(Из стихотворной баллады А. П. Бородина «Море».)

«Романс «Море» — это высший из всех романсов Бородина, и, по моему мнению, самый великий, по силе и глубине создания, из всех, какие есть до сих пор на свете».

(Из отзывов В. В. Стасова.)

«...У меня теперь лабораторный стих: иногда часов до 12 и долее не могу уйти из лаборатории. Зато к ночи так умаюсь, что просто беда. Музыка теперь совсем в загоне. Решительно нет времени».

(Из письма к жене.)

«Пока все были в положении яиц под наседкою (разумею под последнею Балакирева), все мы были более или менее схожи. Как скоро вылупились из яиц птенцы — обросли перьями. Перья у всех вышли по необходимости различные; а когда отросли крылья — каждый полетел, куда его тянет по натуре его».

(Из письма к певице Л. И. Кармалиной.)

«Доброты он был неизреченной: у него на квартире всегда бывали студенты и студентки, которым он давал приют у себя и потом устраивал их судьбу, не проходило дня, чтоб он не заботился и не просил кого-нибудь из высокопоставленных лиц о каком-нибудь несчастном или несчастной».

(Из воспоминаний сестры М. И. Глинки Л. И. Шестаковой о А. П. Бородине.)

«Одно, что меня несколько хорошо настраивает, это — дела Женских курсов, которые хотя и много отнимают у меня времени, но зато дают нравственное удовлетво-

рение, совершенно отвечающее ожиданиям».

(Из письма к жене.)

«Теперь же, после исполнения хора из «Игоря», в публике стало уже известно, что я пишу оперу; скрывать и стыдиться нечего; я в положении девушки, которая лишилась невинности и репутации и этим приобрела себе известного рода свободу. Теперь волей-неволей придется кончать оперу».

(Из письма к певице Л. И. Кармалиной.)

«Злоба их не имеет предела... Балакирева и весь кружок мешают с грязью и не скупятся на самые площадные ругательства и самые гнусные клеветы... Но, как назло им, прием Милию в каждом концерте все теплее и теплее. Прием этот служит лучшим ответом на оскорбления и клеветы обскурантов и Михайловского дворца с его гнусными клевретами».

(Из письма к жене об официальной критике «Могучей кучки».)

«Все мечтаю о лете, о даче, о деревенской жизни, красной рубахе, купанье, приволье! Господи, какие скромные мечты, и то не всегда удается выполнить!»

(Из письма к жене.)

«Служил тридцать лет и выслужил тридцать реп. Выйду в отставку, в Петербурге жить нечем будет, придется удирать туда, где дешевле».

(Из записей А. П. Бородина. 1885 год.)

«Не слушайте, пожалуйста, тех, кто Вас удерживает от Вашего направления; поверьте: Вы на настоящей дороге».

(Ф. Лист в разговоре с А. П. Бородиным.)

«По-моему, в опере, как в декорации, мелкие формы, детали, мелочи не должны иметь места; все должно быть писано крупными штрихами, ясно, ярко и по возможности практично в исполнении как голосовом, так и оркестровом».

(Из письма к певице Л. И. Кармалиной.)

«Удивительно, что ему в 1867 году удалось уже добиться той симфонической цельности, которой Чайковский достиг только в Четвертой симфонии, через десять лет».

(Б. В. Асафьев о А. П. Бородине.)

«Черт побери, хотелось бы пожить и на свободе, развязавшись совсем с казенною службою! Да трудное дело! Кормиться надобно; пенсии не хватит на всех и вся, а музыкой хлеба не добудешь».

(Из письма к жене.)

«Чем с большим числом произведений г. Бородина я знакомлюсь, тем более прихожу к убеждению, что из всех наших современных русских композиторов это самый талантливый».

(Ц. А. Кюи.)

«Казалось бы, сами обстоятельства жизни влекли к национальному элементу и творчеству Балакирева, Мусоргского и Римского-Корсакова. Все они родились вне Петербурга и объевропеенных центров; они родились и провели всю молодость свою в глубине России, в коренной национальной среде, в деревне... С Бородиным дело произошло иначе: он родился в Петербурге и здесь же провел всю свою жизнь. Лишь в зрелых летах случалось ему жить подолгу внутри России, в губерниях Московской, Владимирской, Костромской. И, несмотря на это, национальный элемент составляет самую могучую ноту в творчестве Бородина: в правдивости и глубине русского склада своих высших созданий он не уступает ни Глинке, ни своим товарищам в новой русской музыкальной школе. Каким образом случилось это изумительное превращение, вот психологическая тайна, которую не объяснит, конечно, никто».

(В. В. Стасов, из биографии А. П. Бородина.)

Публикацию подготовил А. БАСМАНОВ.

Фото М. Савина по материалам Центрального государственного музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки

А. П. Бородин. Фотография конца 70-х годов.

«Князь Игорь». Л. В. Собинов в роли Владимира. Конец 90-х годов.

К. Коровин. Эскиз женского костюма к опере. 1909 год.

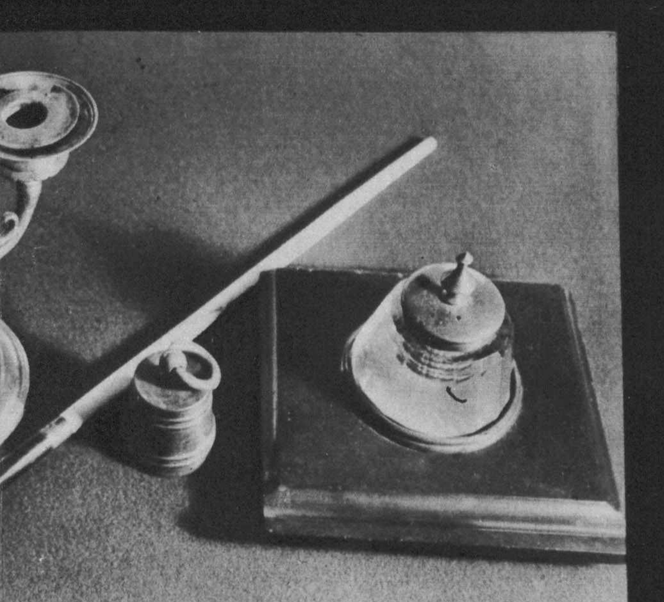
Н. Рерих. Эскиз декорации к опере Бородина. 1909 год.

Ф. Ф. Федоровский. Эскиз костюмов половцев. 1934 год.

Ф. И. Стравинский и Г. П. Угринович в ролях Скулы и Ерошки — участники премьеры в Мариинском театре. 1890 год.

Личные вещи А. П. Бородина.

Старший участковый инспектор капитан Николай Алексеевич Погорелов.

Инструктаж нештатных сотрудников милиции на общественном пункте охраны порядка: А. В. Кондратьев, А. В. Ромашин, Н. А. Погорелов, К. Ш. Шержанов.

Затянувшаяся беседа.

10 НОЯБРЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

С ПРАЗДНИКОМ, КАПИТАН!

Виктор ПРОНИН
Фото И. ГАВРИЛОВА

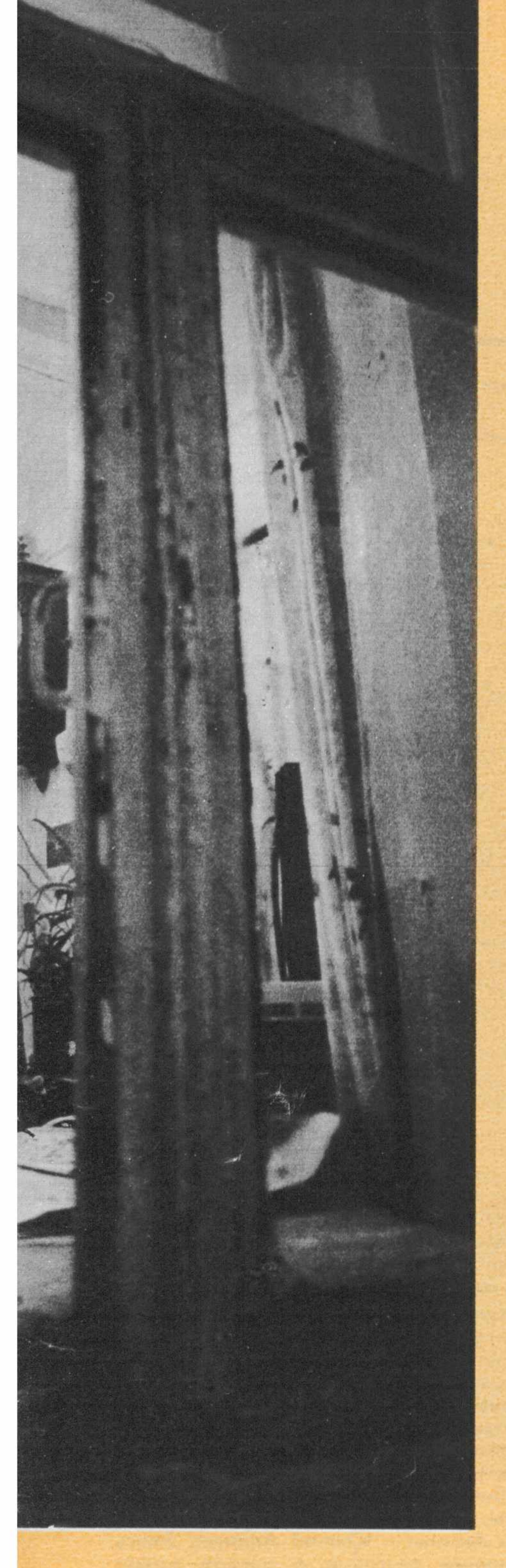
Николай Алексеевич Погорелов работает старшим участковым инспектором в поселке Кудиново Малоярославецкого района Калужской области вот уже двенадцать лет. На его административном участке тридцать населенных пунктов, разбросанных на территории сорок на двадцать пять километров. Немалый участок, особенно если учесть, что у Погорелова нет никакого транспорта. Часто приходится надеяться на удачу, на доброе к себе отношение. Был случай, когда необходимо было выехать на происшествие в два часа ночи. Что делать? Погорелов звонит директору госплемзавода Борису Павловичу Оконечникову. А кого найдешь в два ночи? И вот директор, депутат Верховного Совета СССР, кавалер самых высоких орденов, везет участкового инспектора за двадцать километров. Вернулись на рассвете.

— Спасибо, Борис Павлович! Вы уж извините,— сказал тогда Николай Алексеевич.

— Да ладно, уж съездили.— И, захлопнув дверцу, директор поехал досыпать. Часок у него еще оставался.

Из всех преступлений, зарегистрированных в прошлом году на участке Погорелова, нераскрытым осталось одно — о хищении пчеловодческого сырья. Но тут дело несколько усложнилось, вообще возник вопрос о том, было ли это хищение или неувязка с учетом. Что касается нынешнего года, то на счету участка нераскрытых преступлений три, но год еще не кончился, работа продолжается. Разумеется, здесь немалая заслуга и уголовного розыска, но случается и так, что к прибытию оперативной группы у Погорелова уже все расследовано.

Как-то утром поселок Кудиново был взбудоражен тревожной вестью — на территории филиала швейной фабрики обнаружен труп. Молодой мужчина был убит несколькими ударами ножа. Николаю Алексеевичу сообщили об этом рано утром — домой прибежали, когда он еще спал. Прибыв на место происшествия, познакомившись с обстановкой, Погорелов обратил внимание на редкие

капельки крови, уходящие по тропинке в сторону больших, многоэтажных домов.

— А знаешь,— обратился он к нештатному сотруднику милиции Ромашину,— пройди по этим капелькам, по-моему, они приведут тебя к дому Погуляника.

— Точно, Николай Алексеевич! — воскликнул вернувшийся через некоторое время Ромашин.— Как раз к его дому идут!

К этому времени приехала оперативная группа. Приходят — Погуляник спит. На мизинце рана, ножевой порез.

— Но в жизни все гораздо сложнее,— говорит Николай Алексеевич.— Вроде бы везение — капельки до самого дома, ан нет. Когда я сам пошел по этим капелькам, то выяснилось, что они идут мимо дома Погуляника дальше, к следующему дому. Еще одна особенность бросилась в глаза — капельки то с левой стороны от тропинки, то с правой. Как объяснить? Да и рана у Погуляника оказалась не настолько серьезной, чтоб кровь хлестала всю дорогу. К тому же и сам он не такой дурак, чтоб этого не заметить. Тут можно сказать, что жизнь над нами шутку сыграла, проверила нашу профессиональную подготовку. Капельки-то остались после того, как по этой тропинке хозяйка мясо несла, вот с мяса кровь и капала. Устанет одна рука, женщина перекладывает ношу в другую, капли с другой стороны тропинки остаются...

— Казалось бы, конфуз,— вступает в разговор начальник Малоярославецкого РОВД подполковник Анатолий Петрович Чистяков,— но вывод Погорелова был правильным: Погуляник. Были капли или нет, к тому они дому вели или этому, не имело слишком большого значения. Главное — знание людей, знание своего участка, местных условий. Всего восемнадцать дней назад из мест заключения вернулся Погуляник. Сидел за разбойное нападение, совершенное с особой жестокостью. Те же беспорядочные удары ножом, нанесенные словно в страхе, словно в панике. За эти восемнадцать дней Николай Алексеевич несколько раз встречался с Погуляником и понял — исправление не состоялось. Хотя тот чуть ли не клятвенно заверял о своей решимости заняться честным трудом. Кстати, Погуляник ни в какую не признавал за собой вину, но когда ему про капельки рассказали, это произвело на него такое впечатление, что он тут же выложил все подробности и даже показал, где нож спрятан.

Хотя раскрытие уголовных преступлений всего лишь одна из обязанностей участкового инспектора, именно это у Николая Алексеевича Погорелова получается хорошо, словно бы везет человеку. Но за этим везением стоит знание жизни, знание людей, тех духовных и материальных ценностей, которыми они живут. Его знают на участке, по-свойски Алексеичем зовут, да и он знает едва ли не всех жителей. У каждого свои слабости, свои маленькие житейские тайны, свои отношения с близкими, соседями. Николай Алексеевич подчеркивает, что участковый инспектор должен ко всем относиться с величайшей тактичностью. Знакомясь по долгу службы с людьми, с их прошлым, не всегда безупречным, с их нынешней жизнью, тоже со своими особенностями, больше всего нужно бояться выболтать свои знания, пустить вольно или невольно сплетню, высветить слабинку доверившегося тебе человека.

— Не можешь хранить чужие тайны, даже самые невинные, не будет из тебя хорошего участкового,— говорит Николай Алексеевич.— Окружит стена молчания, недоверия, и не пробить ее ничем. Чтобы быть хорошим участковым, прежде всего надо постараться быть хорошим человеком.

— Сколько всего жителей на вашем участке? — спрашиваю у Николая Алексеевича.

И Погорелов отвечает с точностью до одного человека.

— А в поселке Кудиново?

— Тысяча семьсот четырнадцать.

Такая точность говорит о многом. Не просто около двух тысяч, а именно тысяча семьсот четырнадцать. За этим стоит и внимание к каждому человеку и знание каждого.

Некоторое время назад уточнены права и обязанности участковых инспекторов. Теперь у них появилась возможность установить более тесные и постоянные связи с общественностью, заниматься профилактической работой, больше внимания уделять несовершеннолетним, трудным подросткам, неблагополучным семьям. В конце концов все это так или иначе сказывается на общей атмосфере микрорайона, квартала. И если у Николая Алексеевича Погорелова почти вдвое сократилось количество преступлений на административном участке, то одной из причин этого стала именно воспитательная, профилактическая работа.

— Знаете, можно по-разному объяснять успехи в работе Погорелова, но главное — это грамотность и добросовестность,— говорит Анатолий Петрович Чистяков.

Вот уже несколько лет Николай Алексеевич Погорелов является председателем совета наставников. Судя по всему, сменять его на этой должности не собираются, поскольку наставник из него получился настоящий. И дело не в том, что он может передать молодежи некие профессиональные знания, поделиться опытом. Не менее существенно другое — передать молодым сотрудникам ту взволнованность, с которой он каждый день выходит на работу, неугасающий интерес к людям, к их делам и заботам. Не так уж редко оказывается, что для многих людей в деревнях и поселках участковый инспектор оказывается как бы человеком первой необходимости. В трудную минуту, в случае нежданной беды обращаются именно к нему, зная, что могут надеяться и на помощь и на понимание.

Николай Алексеевич в прошлом первоклассный специалист по автоделу, он преподавал этот предмет, был главным инженером на автопредприятии, но случилось так, что на работу в органы внутренних дел попал в качестве участкового инспектора. Было дело — первые годы все хотел перейти в госавтоинспекцию, подавал рапорты, заводил разговоры с начальством, дескать, специальность есть, и неплохая. А Анатолий Петрович Чистяков то отмалчивался, то отшучивался, прекрасно понимая, что именно в должности участкового инспектора Погорелов на своем месте. Шло время, и как-то само собой получилось, что эти разговоры затихли. Выяснилось, что люди, их судьбы, их беды волнуют Погорелова куда больше, нежели техническое состояние машин или правила дорожного движения.

— Работать с людьми действительно интереснее, — соглашается Погорелов. — Иногда бывают очень неожиданные превращения.

— Расскажи, как ты лишил женщину лучшей подруги,— напоминает о какой-то истории Анатолий Петрович.

Случай действительно оказывается интересным. Где-то около восьми вечера поступает к Погорелову сообщение — в поселке Кудиново обворована квартира. Похищены деньги, золото, ценности. Время позднее, люди отдыхают, а тут в доме слезы и причитания.

— Начинаю выяснять обстоятельства, — говорит Николай Алексеевич. — Форточки целы, замок на месте, никаких взломов, следов отмычек, битых стекол. Ключи от квартиры тоже на месте. То есть картина преступления получается довольно своеобразной, тем более что никто не может даже сказать, когда в доме побывали преступники. Вернулись хозяева вечером домой, и тут все обнаружилось. Я, разумеется, звоню начальнику РОВД, на место происшествия выезжает оперативная группа...

— Поздновато мы приехали,— вспоминает Чистяков.— Пока прибыли, Погорелов уже преступника задержал. А к трем часам ночи и следствие завершилось, и ущерб был, как говорится, возмещен владельцам — вернули все похищенное.

Ход расследования на первый взгляд был весьма прост. Николай Алексеевич сразу отсек всех чужаков, для него было ясно, что преступление совершил кто-то из вхожих в этот дом. Отпадали подростки, взломщики, отпадали все обычные в подобных случаях варианты. Погорелов решил поинтересоваться жизнью и бытом потерпевших. И выясняется маленькая житейская подробность: у лучшей подруги хозяйки, которая живет в этом же доме, около года назад пропали ключи, а замки были одинаковы, и некоторое время подруга пользовалась ключами от этой квартиры. Потом вставила новый замок, а ключи вернула...

Зная все это, нетрудно сделать грамотный вывод, но чтобы добраться до него, нужно было с самого начала наметить правильный путь поисков. Когда Погорелов спросил у хозяйки, не подруга ли, дескать, «поработала», та просто руками замахала: «И не думайте и не пытайтесь испортить наши добрые многолетние отношения!»

Побеседовал Николай Алексеевич с подругой.

— И чувствую — она! — рассказывает Погорелов.— Это трудно объяснить... Вдруг задумается над простым вопросом, на сложный вопрос выпаливает заготовленный ответ, и потом, знаете, сразу для меня стала видна искусственность, заданность поведения. Ведь не меньше года она к этому шла. И ключи свои якобы потеряла, и замок новый вставила... До чего дошло.— Николай Алексеевич берет с подоконника сумку и ставит ее на стол.— Муляж сумки изготовила. Если кто-то увидит ее, если возникнут подозрения, то вот она, сумка, смотрите, дескать. А в ней вата. Из квартиры она вынесла точно такую же сумку, но с меховой шапкой, а шапки ныне в цене, колечки прихватила, знала, где деньги лежат... Такой вот подружка оказалась.

— И что же, призналась?

— Я объяснил ей картину преступления, какой она мне представилась. Так и так, говорю, возникли серьезные подозрения, придется сделать обыск. Она в слезы. Мужу, говорит, только не сообщайте, все отдам. И действительно, пошла в свою квартиру, минут сорок не выходила,— мужу пришлось, видимо, объяснить, почему ее долго не было, куда опять собирается на ночь глядя... Тоже глупость. Теперь-то об этом воровстве весь поселок знает, такие вещи не скроешь.

Погорелов поднимается, берет свою папку — у него сегодня еще встреча со школьниками.

НАЗНАЧЕНИЕ В ЖЕНЕВУ

Сергей БАТУРИН

РАССКАЗ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

1

Константин Иванович окончил институт хотя и не «с отличием», но весьма прилично, получил назначение литературным сотрудником в один из московских журналов, а через четыре года предложили ему перейти на работу в МИД СССР. Новое руководство вскоре оценило его обстоятельность и надежность, его стремление изучить вопрос, как он говорил, до самого дна, его завидное спокойствие и воловью работоспособность. Кроме того, оказалось, что Константин Иванович обладает неплохим слогом, и вскоре на него возложили составление первоначальных проектов служебных записок, докладов и даже дипломатических нот. Служебная карьера его текла без сучка и задоринки. Личная жизнь тоже вошла в нормальную колею: Константин Иванович женился по взаимной любви, вступил в жилищно-строительный кооператив, а пока снимал с женой комнату на одной из тихих улочек в районе Даниловского рынка. Жена его работала редактором в небольшом отраслевом издательстве. Их совместной зарплаты да гонорара, который Константин Иванович изредка получал за переводы и статьи, вполне хватало на жизнь, на покупку книг — благо, за ними в те годы не нужно было стоять в очереди — и на выплату кооперативного пая.

В начале шестидесятых годов въехали они в новую квартиру, вскоре родился у них первенец — сын, которого назвали Сергеем. И тут же получил Константин Иванович свое первое заграничное назначение — в Женеву. Холодным декабрьским днем улетели они с девятимесячным сыном на руках через Стокгольм к новому месту службы. Назначение это их отнюдь не радовало. Так получилось, что, несмотря на работу в МИДе, Константину Ивановичу до сих пор ни разу не пришлось побывать за границей. И уезжать именно сейчас, когда у них только что родился сын, когда они наконец-то обзавелись собственной квартирой, ни Константину Ивановичу, ни его супруге никак не хотелось. Алла даже предлагала мужу попросить начальство отложить командировку на год-два. Но, трезво поразмыслив, Константин Иванович делать этого не стал. Не в его правилах было возражать начальству, когда дело касалось лично его, Константина Ивановича. Он мог спорить по делу, охотно вступался за товарищей, умел критически выступить на собрании. Но просить чего-то для себя лично — упаси господи.

Считалось, что уезжают они в Женеву на два-три года, но вернулись они в Москву лишь через долгих пять лет. Служба в Женеве явно пошла Константину Ивановичу на пользу. Он привык к повседневному деловому общению с иностранцами, закрепил свое знание английского языка и вдобавок неплохо овладел французским. Умение глубоко вникать в суть предмета выдвинуло его в число ведущих экспертов на международных переговорах. К тому же избавился он от своих мужицких, как называла их жена, привычек и даже приобрел известный европейский лоск.

Вскоре по возвращении в МИД получил Константин Иванович персональный дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посланника второго класса и серьезное повышение по службе. Жена опять начала работать редактором, но теперь уже в известном центральном издательстве, сын пошел в первый класс «английской» школы. Редкие свободные вечера и воскресенья Константин Иванович не тратил понапрасну — он решил написать книгу на острую в то время международную тему. Добрые друзья отговаривали его от этой затеи, советовали лучше засесть за кандидатскую диссертацию. Но Константин Иванович твердо держался своего.

Книгу он написал, сдал в издательство и даже подписал на нее договор. Но потом дело с ее выпуском застопорилось: одна из двух внутренних рецензий оказалась резко отрицательной. После долгих мытарств Константину Ивановичу удалось добиться, чтобы рукопись направили на окончательное заключение в соответствующий институт Академии наук СССР. И тут колесо фортуны повернулось в его сторону. Известный в своей области специалист, доктор наук, весьма положительно оценил рукопись, хотя и сделал много частных замечаний. После доработки, долгих споров автора с редактором, правок корректур и сверок книга наконец-то вышла в свет. А через некоторое время оказалось, что ею заинтересовались несколько иностранных издательств. И через год-два книга вышла на английском и чешском языках. Рецензии на нее появились во многих иностранных журналах.

Константин Иванович почему-то скромничал, никому, кроме своих ближайших друзей, о своих литературных успехах не говорил, о работе над еще одной книгой — что ему упорно советовали доброжелатели — и не думал. Жизнь катилась по накатанной колее, казалось, что и желать-то больше ничего не надо. Но в один прекрасный день вызвали Константина Ивановича к руководству и предложили поехать в новую заграничную командировку.

Константин Иванович ожидал такого поворота событий, но предложение на этот раз оказалось весьма необычным. Уже в том, что пригласил его для беседы не заведующий отраслевым отделом и даже не заведующий отделом кадров, а заместитель министра по кадрам, почувствовал Константин Иванович какое-то отступление от установленного ритуала и несколько обеспокоился. Но раздумывать было некогда — начальство ждать не любит,— он быстро одернул по старой военной привычке пиджак и пошел навстречу своей судьбе. Предчувствие не обмануло Константина Ивановича: оказалось, что руководство ООН приглашает его на весьма почетную, но никак для него не понятную должность: директора отдела в Секретариате ООН в Нью-Йорке. Новые обязанности лежали в стороне от основных интересов Константина Ивановича, но от этого не были ни менее интересными, ни менее важными. Проблема эта выходила на первый план международных отношений, и то, что именно Константина Ивановича приглашали заняться изучением и практическим осуществлением ее в аппарате ООН, означало, что его деловые качества были оценены по достоинству руководством этой международной организации.

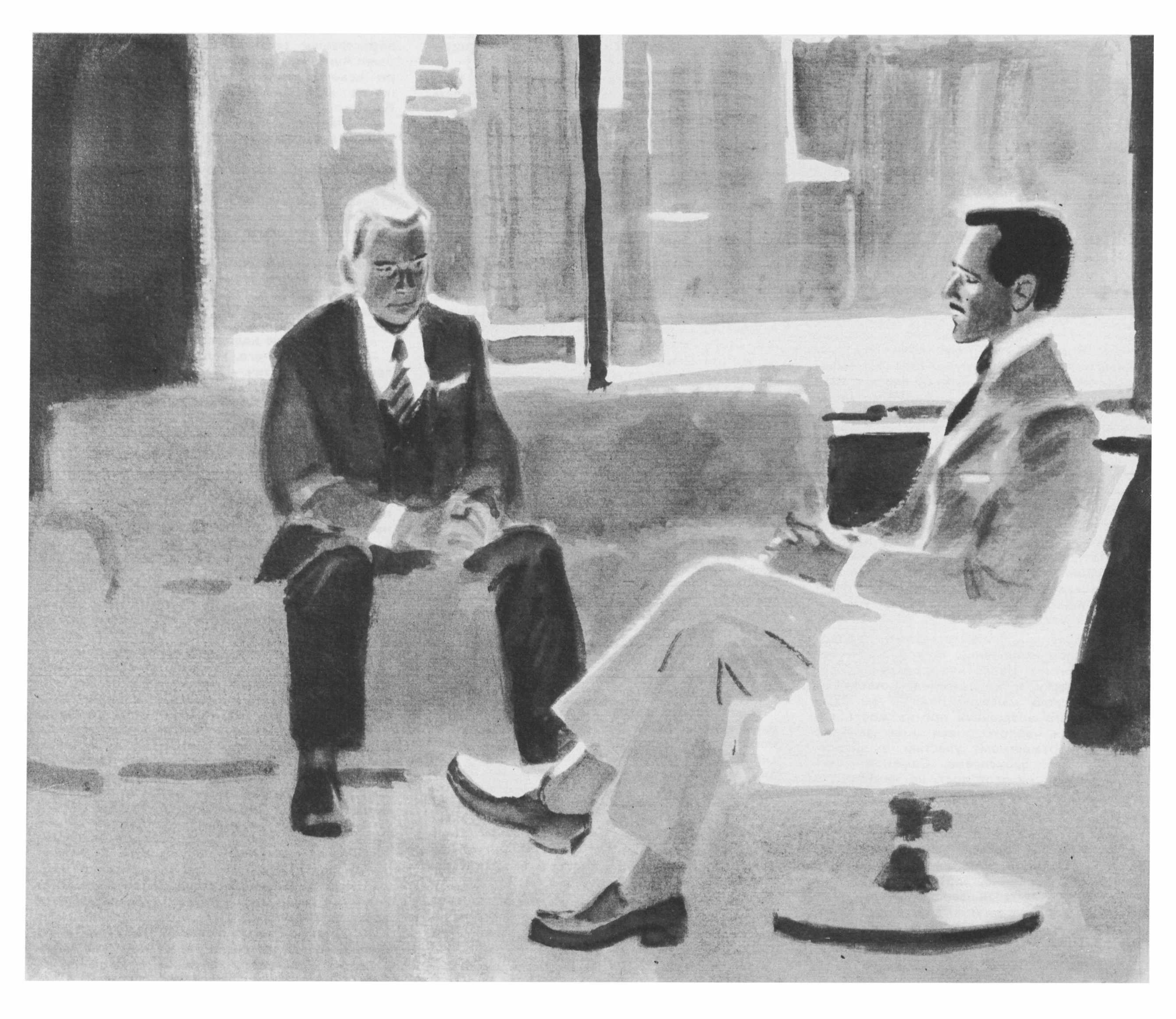
Константин Иванович, посоветовавшись с женой, решил принять предложение. Такому решению немало способствовало и то обстоятельство, что, как оказалось, в Нью-Йорке имелась советская восьмилетняя школа и, значит, Сергей мог спокойно ехать вместе с родителями.

Предложение о работе в ООН прибыло ранней весной, а решение Генерального секретаря ООН о назначении Константина Ивановича состоялось уже глубокой осенью. На время все заслонили предотъездная суета, прощание с родственниками и друзьями. Но вот уже получены и билеты и визы — и завтра отлет. А там стрелой промелькнул этот день, и небольшое семейство Константина Ивановича оказалось в Нью-Йорке. Здесь тоже первые дни прошли в суматохе поисков квартиры, устройства на новом месте, первого знакомства с незнакомым миром. Потом постепенно все как-то утряслось, вошло в определенные рамки. Новую работу Константин Иванович осваивал нелегко, контакты с сотрудниками-иностранцами налаживались медленно. Но со временем основные трудности были преодолены, сослуживцы оценили знания, житейский опыт и такт Константина Ивановича, его умение вовремя разрядить атмосферу невинной шуткой, административные способности.

Прямой начальник Константина Ивановича, известный марокканский дипломат, поначалу принял его несколько холодно, но, присмотревшись, проникся к нему уважением, стал часто советоваться, в работу его отдела почти не вмешивался, полагаясь на трезвую беспристрастность его суждений.

Уже первые два года жизни в Америке выработали у Константина Ивановича новые черты — осмотрительность и осторожность, которые раньше за ним особенно не замечались. Но одно дело — работа в МИДе, в кругу своих однодумцев, и совершенно другое — в многонациональном конгломерате аппарата ООН, когда рядом с вами работают американцы и кубинцы, израильтяне и арабы, китайцы и индусы, англичане и ирландцы, граждане ГДР и ФРГ, Анголы и Южной Африки. Здесь самый невинный разговор о погоде может неожиданно перерасти в оживленную дискуссию на острую международную тему. И уже каждое ваше слово взвешивают десятками разных мер, оценивают по резко отличающимся друг от друга шкалам ценностей, соизмеряют никак не совпадающими мерками. В каждом вашем поступке вольно или невольно видят отражение мыслей, чувств и действий все еще «загадочной» для многих Москвы.

Константин Иванович все это заметил, обдумал и нашел в этих условиях свой собственный стиль, выработал свою собственную манеру поведения. Сам он никогда не начинал разговоров на острую тему, но и не уходил от них, всегда готовый подробно и обстоятельно разъяснить позицию советской стороны по той или иной проблеме. С обычной для него доскональностью он постепенно освоил специфику новой работы, ее тонкости, изучил десятки документов и инструкций. Опыт политической работы позволял ему шире смотреть на вещи, чем это иногда удавалось его коллегам. Суждения его отличались не только трезвостью подхода, но и свежестью восприятия, свидетельствовали о понимании важности глубинных процессов. К его мнению стали прислушиваться, с его точкой зрения — считаться. Казалось, что несколько монотонную напряженность такой жизни мало что способно нарушить.

2

Этот весенний день начался для Константина Ивановича так же буднично, как и десятки и сотни других дней. Он встал довольно рано, сделал зарядку, умылся, побрился и повел сына на остановку школьного автобуса. Жена тем временем приготовила завтрак. Проводив сына, Константин Иванович возвратился домой. Позавтракав и просмотрев утреннюю «Нью-Йорк таймс», он отправился на работу. В хорошую погоду Константин Иванович любил пройтись до работы пешком. Обычно он шел по 3-й авеню до 56-й улицы, по ней выходил на 1-ю авеню и затем спускался вниз до похожего на поставленную на ребро спичечную коробку здания Секретариата ООН. Без пяти девять он уже сидел в своем кабинете за массивным деревянным столом и начинал день с почты.

Сегодня не успел он еще просмотреть письма, как его пригласил к себе шеф. Сначала говорили о текущих делах, о ходе подготовки к заседанию Комитета, о степени готовности основного доклада и нескольких обзоров, которые готовились в департаменте. Константин Иванович уже собирался подняться с кресла и уйти, когда шеф совершенно неожиданно сказал:

— Мы так никого и не подыскали на пост в Женеве, а ведь дело не терпит, пора бы нам остановиться на какой-то кандидатуре. В Женеве уже несколько месяцев был вакантным пост начальника отдела, подчиненного их департаменту. Кандидатов было хоть отбавляй, но шеф всех их отводил по тем или иным серьезным соображениям. Главное же заключалось в том, что нужен был не просто высококвалифицированный специалист, но хороший администратор, с твердой рукой и достаточной силой характера, чтобы, как выражался шеф, внести элемент порядка в работу отдела. Константин Иванович помолчал, а потом осторожно предложил:

— Можно бы подумать о Тан Чаомине, он серьезный работник, знает дело, со своим сектором справляется неплохо, подчиненные его уважают.

— Кандидатура неплохая, я и сам подумывал о нем.— Шеф, растягивая слова, явно тянул, чего-то недоговаривал. В кабинете снова наступило молчание.

— А что, если выдвинуть на это место Кларка? Хорошо знает специфику, умеет ладить с людьми, неплохо готовит документы.— Константин Иванович говорил медленно, как бы размышляя. Действительно, вопрос с замещением этого поста явно затянулся, и, хотя подбор кадров не входил в обязанности Константина Ивановича, он ощущал какую-то долю и своей вины в том, что до сих пор не назвал подходящей кандидатуры.

— Нет, Кларк тут не подойдет,— твердо подвел черту под его кандидатурой шеф.— Я думаю, что надо назначить на этот пост Семенова.— Голос его теперь звучал настолько убежденно, что не оставлял никаких сомнений в окончательности этого решения.

Константин Иванович внимательно посмотрел на шефа и ничего не сказал. Семенов работал в их же департаменте, только в другом отделе, не у Константина Ивановича. Это был отличный и опытный специалист, пользующийся большим уважением среди сотрудников аппарата ООН. Пожалуй, он уже засиделся на своей должности, да и по выслуге лет вряд ли кто в департаменте мог с ним тягаться. Конечно, Семенов — блестящая кандидатура, но как к этому отнесутся остальные? Вслух Константин Иванович ничего этого не сказал, он понимал, что шеф и сам это знает и все уже взвесил.

— Лучшей кандидатуры нам не найти, его уважают, он не боится брать на себя решение сложных вопросов, профессиональные качества его выше всякой похвалы, никто не может поставить эту кандидатуру под сомнение.— Хотя спокойный голос шефа теперь уже утратил былую твердость, он тем не менее как бы подчеркивал законченность его мысли, подводил под его решение прочную базу.

И снова в кабинете воцарилось молчание. Будучи опытным, глубоко мыслящим дипломатом, шеф прекрасно понимал, что, хотя его предложение и одобряется Константином — так на американский манер называли Кон-

стантина Ивановича все его коллеги,— тем не менее он весьма скептически относится к возможности осуществления его на практике. Он ценил в Константине Ивановиче этот трезвый взгляд на вещи, умение видеть, что возможно, а что нет. И в то же время шеф был глубоко уверен, что на этот раз его собеседник ошибается.

Конечно, кандидатура Семенова у него не вызывает никаких возражений. Дело здесь было не в личности кандидата, а в его гражданской принадлежности,— шеф ясно сознавал это, хотя об этом аспекте проблемы между ними не было сказано ни одного слова. Формально считалось, что сотрудники любой национальности имеют одинаковые возможности в аппарате ООН. Но повседневная практика то и дело опровергала это утверждение. В одних случаях это диктовалось политическими соображениями, и все понимали, что тут ничего не поделаешь: ООН — организация политическая, и не считаться здесь с требованиями международной дипломатии нельзя. Но во многих случаях при решении вопроса о повышении предпочтение явно отдавалось западным сотрудникам, особенно если дело касалось высших постов. Сотрудники из социалистических и развивающихся стран почти всегда отводились под тем или иным внешне благовидным предлогом. Семенов был гражданином СССР.

— Конечно, назначение Семенова на пост в Женеве понравится далеко не всем,— первым нарушил молчание шеф,— но ведь и ваш отдел никогда раньше не возглавлялся советским гражданином. А теперь все это воспринимают как должное.

— А сколько трудностей пришлось преодолеть, пока мое назначение состоялось? — Вопрос Константина Ивановича прозвучал скорее риторически, и, не дожидаясь ответа, он продолжил свою мысль: — Ведь и вы сами довольно долго возражали против моего назначения, хотя неплохо знали мои деловые качества по совместному участию в заседаниях в Женеве. Безусловно, Семенов — лучший претендент на этот пост, но нам просто не позволят назначить его туда.

— Кто же сможет помешать мне сделать это? — Голос шефа вновь обрел твердость.

— Да ваши же коллеги, заместители Генерального секретаря.— Константин Иванович говорил тихо, спокойно, просто констатируя факты.— Кроме того, неизвестно, как к этой идее отнесутся два других директора отделов — Маккой и Салахи. А ведь еще надо будет советоваться с Бюро персонала, с генеральным директором отделения ООН в Женеве.

Американец Маккой был непосредственным начальником Семенова, и с его мнением в данном случае нельзя было не считаться. «Интересно, обсудил шеф уже с ним свое предложение или нет?» — подумал Константин Иванович.

— Бюро персонала вряд ли будет возражать, лучшего кандидата у них нет.— Шеф явно обдумал свой шаг со всех сторон.— А что касается Женевы, то у них всего один советский специалист занимает директорский пост, по чисто формальным причинам им возражать просто невозможно. Что скажет Маккой? С ним я поговорю, думаю, что и он согласится...

3

Валентин Андреевич Семенов в эти дни был в сильной запарке: вместе со своим коллегой бразильцем Робертом Кихано он работал над окончательным вариантом доклада Генеральной Ассамблее ООН. Первоначально предполагалось, что каждый сотрудник сектора представит порученный ему раздел доклада, их сложат вместе, перепечатают — и доклад готов. Но когда заведующий сектором индус Сингх внимательно прочел все разделы, ему стало ясно, что еще потребуется много труда, чтобы превратить эти разрозненные куски в серьезный доклад. Разделы отличались один от другого не только стилем, но и подходом к освещению проблемы, а то и концепцией. Спору нет — все разделы были подготовлены на высоком профессиональном уровне, но это только усугубляло проблему, стоящую перед Сингхом.

Следовало поручить кому-то одному объединить разделы в единое целое, придать докладу стройность и последовательность. Лучше всего это мог сделать сам Сингх, но ему через два дня нужно было лететь на важную конференцию в Манилу. Хорошо бы справился с этим заданием Семенов, но Сингх понимал, что такое решение неминуемо приведет впоследствии к резким критическим замечаниям в его адрес со стороны некоторых делегаций. В разделах доклада уже содержался ряд положений, которые никак не могут понравиться западным державам. Значит, публичной критики не миновать. А если к тому же станет известно, что доклад в единое целое сводил Семенов, то в кулуарах Ассамблеи Сингху крепко достанется на орехи.

Конечно, можно было бы просто наплевать на все эти опасения. Но как решиться на такой шаг, если года через три тебе уходить на пенсию и ты не без оснований рассчитываешь на профессорское место в одном из местных университетов? Здесь было над чем поразмыслить. Сингх отличался обстоятельностью и не любил торопиться, особенно при решении важных вопросов. Вот и теперь он обдумывал возникшую проблему буквально до последней минуты.

Накануне своего отъезда он собрал совещание сотрудников сектора. Поблагодарив всех за отличную работу по подготовке доклада, Сингх сообщил, что окончательная доработка доклада поручается Семенову и Кихано. Решение его не вызвало удивления и было принято как должное. Сингху на какой-то момент даже показалось, что он, вероятно, перемудрил в своих сомнениях о том, кому поручить доработку доклада. Но многолетний опыт подсказывал, что он поступил правильно, доверив это задание двоим—Семенову и Кихано.

Сингх улетел в Манилу, а Валентин Андреевич и Роберто начали сводить доклад в единое целое. Дело было значительно более сложным, чем им показалось поначалу. Они вместе доводили каждый раздел до приемлемой для обоих редакции, затем оба же согласовывали все изменения с автором раздела. Работа считалась законченной только тогда, когда все трое не имели никаких сомнений и вопросов. Времени было в обрез, поэтому начинали с восьми утра и сидели, как говорится, до потемнения в глазах.

Сейчас они заканчивали последний раздел, и поэтому оба были в отличном настроении: к возвращению Сингха его будет ждать готовый вариант доклада.

— Пожалуй, пора сходить перекусить,— сказал, взглянув на часы, Роберто.

— Ну что ж, можно и пообедать, мы это заслужили,— согласился Валентин Андреевич, отрываясь от страницы, которую правил.

Но тут раздался стук в закрытую дверь кабинета, которая сразу же открылась и пропустила внутрь секретаря Кихано итальянку Донну.

— Господин Семенов,— быстро проговорила Донна,— шеф спрашивает, не могли бы вы сейчас зайти к нему.

— Вот тебе и пообедали,— улыбнулся Семенов,— скажите, что сейчас иду.

— Я надеюсь, что он вызывает тебя не затем, чтобы поручить нам работу еще над одним докладом,— с наигранным испугом проговорил Роберто.

— Пути начальства неисповедимы,— серьезным голосом произнес Валентин Андреевич, он так и хотел добавить: «как и пути господни», но вовремя удержался, вспомнив о том, что Роберто — глубоко верующий католик.

— Я во всяком случае отправляюсь обедать,— подытожил Роберто и вышел из кабинета...

Валентин Андреевич вежливо поздоровался с секретаршей — хорошенькой француженкой Анитой.

— Присядьте на минуту,— улыбнулась в ответ Анита,— шеф разговаривает по телефону. Последние дни вы что-то совсем перестали заходить к нам.

— Очень много дел, мое начальство считает, что работа идет мне на пользу,— отшутился Валентин Андреевич.

— А вот шеф и освободился,— взглянув на переставшую светиться кнопку телефона, сказала Анита,— заходите, пожалуйста,— и, быстро вскочив со своего кресла, она раскрыла перед Валентином Андреевичем дверь кабинета.

— Спасибо,— кивнул Аните Валентин Андреевич и вошел в кабинет.

— Здравствуйте, Валентин.— Шеф поднялся ему навстречу, поздоровался за руку и гостеприимным жестом пригласил садиться на стоявший у стены широкий диван. Сам он сел в стоявшее рядом кресло и серьезно посмотрел на Валентина Андреевича.— Как идут ваши дела?

Валентин Андреевич был уверен, что Сингх доложил шефу о своем последнем поручении ему и Роберто, поэтому он ответил общими словами:

— Все в порядке, работаем.

— Ну и как, не надоело?

— Да нет, ничего,— улыбнулся в ответ Валентин Андреевич.— Закончим доклад, начнутся заседания, скучать, в общем, некогда.

— Это хорошо. А я вот думаю, не предложить ли вам новую работу.

Валентин Андреевич насторожился, он был доволен и своей работой и отношениями с начальством и сослуживцами, поэтому к возможности перемен в своей жизни относился без особого энтузиазма. Конечно, неплохо бы получить повышение, но Сингх никуда уходить не собирался, а другой возможности для повышения в Нью-Йорке не было. Поэтому Валентин Андреевич ожидал услышать, что же конкретно имеет в виду шеф.

— Хочу перевести вас в Женеву директором нашего отдела,— не заставил себя долго ждать шеф и вопросительно посмотрел на своего собеседника.

— В Женеву? Меня? — с неподдельной искренностью удивился Валентин Андреевич. Вот уж чего он ожидал меньше всего, так это предложения ехать в Женеву. Последние годы от желающих ехать в Женеву отбоя не было. Валентин Андреевич объяснял это прежде всего экономическими соображениями: курс доллара на международном рынке резко катился вниз, а швейцарский франк твердо держал свои позиции. Кроме того, жизнь в Женеве была куда спокойнее, чем в Нью-Йорке.

— А почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил шеф.— Вы хорошо знаете специфику нашей работы, у вас есть административные способности, да и по чисто формальным признакам — старшинство в должности, например, вы вполне удовлетворяете всем требованиям.

— Спасибо за такую оценку моей скромной особы, но все же согласитесь, что такое предложение для меня несколько неожиданно.— Валентин Андреевич действительно не знал, что ответить на это заманчивое предложение. Он никогда не думал о такой возможности, и поэтому разговор с шефом застал его врасплох.

— Что ж, подумайте, взвесьте все,— согласился шеф.— Только не забывайте при этом, что подобные предложения очень редко повторяются дважды. Заходите ко мне через день-два с ответом. Но только пока никому о нашем разговоре ни слова. Не следует заранее раскрывать наши карты.

— Еще раз благодарю за доверие.— Валентин Андреевич поднялся с дивана и направился к двери.

Оставшись один, шеф медленно прошелся по кабинету. Его несколько удивила реакция Валентина на его предложение. Конечно, оно было для него неожиданным, но неужели он сам никогда не видел себя на этом месте? Странно, шеф был уверен, что здоровая амбициозность отнюдь не чужда Валентину. Другой бы на его месте зубами вцепился в такое предложение, и уж никакие силы не смогли бы вырвать его из этих зубов. Видно, не зря говорят о загадочности русской души. И Валентин и Константин — оба они отнеслись к предложению шефа совсем не так, как он этого ожидал. А он в глубине души считал себя психологом, думал, что хорошо знает и понимает своих сотрудников. Пожалуй, надо будет внимательнее присматриваться к людям, стараться поглубже понять их стремления и интересы.

Продолжение следует.

Л. Оседовский. Род. 1934.

ОЛЕГ ЛОГВИН —
ЧЕМПИОН ОЛИМПИЙСКИХ
ИГР ПО ВЕЛОСПОРТУ. 1983.

Всесоюзная художественная выставка «Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве».

Б. Окороков. Род. 1933. ПОБЕДА! 1983.

Всесоюзная художественная выставка «Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве».

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЗАПАДНЮ

Евгений **ВИСТУНОВ**

Мрачная, запущенная квартира, в единственное окно которой редко заглядывает солнце. Вместо мебели — чемоданы. Трое обитателей квартиры — люди, выехавшие в Израиль для «воссоединения семьи», но осевшие в Нью-Йорке. На чемоданах они и спят, и едят, и уныло коротают время, и пишут письма на свою бывшую родину. А за окном шумит, бурлит, сверкает огнями реклам Нью-Йорк. Город теперь уже их бывших вожделений. Город разбитых надежд.

В Тель-Авиве, куда они в конце концов перебираются, картина повторяется. Опять вместо мебели чемоданы, жизнь как на вокзале, ничем, в сущности, не отличающаяся от той, нью-йоркской,— пустой и напряженной от неизвестности.

Надо полагать, что иерусалимский театр «Хан», поставивший этот спектакль, не задавался целью сказать всю правду о тяжкой, порой безысходной доле многих и многих иммигрантов-евреев, не нашедших счастья ни на «родине предков», ни в других странах, в том числе в США.

Рецензии в израильской прессе определяют жанр спектакля «Тель-Авив — Нью-Йорк — Тель-Авив» как «смесь мелодрамы с комедией», где «действительный драматизм ситуации снимается юмором». Юмор действительно скрашивает трудности бытия, и, как считают психиатры, нередко помогает выйти из стрессовой ситуации. Однако пресса не без оснований связывает успех постановки, говоря словами одного из рецензентов, «прежде всего с центральной темой — острой и болезненной для Израиля — эмиграцией из страны». Далее в рецензии подчеркивается, что дело, конечно, не в самих чемоданах, «а в неустойчивом, тревожном «чемоданном» настроении, в общей обстановке неуверенности, окружающей героев спектакля. Они действительно живут как на вокзале, ожидая скорого прихода поезда, который идет неизвестно куда».

Эта тема — бегство приехавших в Израиль и эмигрировавших в другие страны, но и там не нашедших уютного пристанища,— как бы ее ни пытались затушевать, «снять юмором», волнует и задевает многие социальные круги «земли обетованной». В средствах массовой информации Израиля почти исчезли расхожие пропагандистские определения этой страны как «цветущего сада», «второго рая», общества «всеобщего процветания». О неутешительных прогнозах развития экономики, об огромном, двадцатипятимиллиардном внешнем долге, неуклонном росте цен, коррупции, преступности, проституции сейчас с тревогой говорят в прессе, в кнессете и синагогах, в клубах правящей и оппозиционных партий.

«Упадок, переживаемый страной в последние годы в области экономики и общественной жизни, привел к общему настроению, которое может быть выражено словами: «Мы сидим по уши в грязи». Это вынужден признать Яир Цабан, один из руководителей партии МАПАМ. И не без сарказма он напоминает слова «отца» сионизма Герцля, звучащие сейчас насмешкой над нынешней действительностью Израиля: «Наша страна будет страной эксперимента — образцовой страной для подражания».

Для сотен тысяч людей, ставших жителями Израиля, этот сионистский «идеал» на практике обернулся полным крушением надежд. Еще до вероломного вторжения в Ливан и связанных с этой грязной войной огромных расходов выходящий в Израиле журнал «Форум» констатировал: «Процент бедности вырос за последние три года втрое... по уровню инфляции Израиль вышел на первое место в мире». И это не какие-нибудь домыслы «оппозиционного» к правящим кругам журнала, а данные центрального статистического бюро Израиля.

Не обошла «землю обетованную» и безработица, охватившая весь капиталистический мир. Правда, в Израиле она пока не приобрела того размаха социального бедствия, как, скажем, в США, Англии (что не без похвальбы любит подчеркивать израильская пресса). Однако и на «библейской земле» ее последствия ощутимы в настроениях простых людей. И особенно тех, кто обосновался в Израиле недавно, не успел свыкнуться с мыслью о том, что безработица — такой же неизбежный атрибут жизни в капиталистическом обществе, как инфляция, коррупция, гангстеризм, проституция и наркомания.

Метла безработицы выметает с рабочих мест прежде всего вот таких людей — новобранцев Израиля. В интервью издающейся в Израиле русскоязычной газете «Наша страна» генеральный директор министерства абсорбции Азриэль Вальдман без всяких обиняков так и сказал: «На сегодняшний день не столь велика реальная безработица, сколько чувство страха перед ней... А поскольку существует правило: «Кто пришел последним, уходит первым»,— есть опасение, что это коснется в первую очередь репатриантов».

Еще туже подтянуть пояса израильтян заставила агрессия в Ливане. Для оплаты военных расходов пришлось сократить обычные, связанные с повседневной жизнью каждого человека. Вначале подскочили цены: в июле 1982 года на горючее — сразу на 24 процента, в августе — на молочные продукты, хлеб, затем на городской транспорт, связь, электроэнергию, налог с оборота, зарубежные поездки и банковские операции.

Чтобы хоть как-то объяснить бурный рост дороговизны, министерство финансов Израиля подсчитало, во что обходился ему всего лишь один час военных действий. Вылет самолета «F-16» в небо Ливана без стоимости бомб — 15 400 долларов, операция катера-ракетоносца — 1800, танка — 500. В целом один день военной авантюры на ливанской земле обходился Израилю в сто миллионов долларов.

Потускнел, порядком пообветшал и сионистский миф о «еврейском государстве» как «святом союзе людей по духу, вере и крови», которые будут жить, не зная, что такое социальное неравенство, в «братском единении и взаимной любви, как равные среди равных».

Руководитель отдела репатриантов при центре образования и культуры союза профсоюзов Израиля Ашер Израэль вынужден был признать: «Мы пришли к потребительскому обществу, обществу евреев с острыми локтями, обществу насилия. Немудрено, что та его часть, которая не может приспособиться к этой атмосфере, чувствует себя отчужденно и часто задается отчаянным вопросом: а та ли это страна, в которой я хочу жить?»

Планируя вторжение в Ливан, фарисейски названное операцией «Мир для Галилеи», правительство Бегина и международный сионизм делали ставку на разжигание националистических чувств евреев как в Израиле, так и в других странах. Но этого не случилось. Скорее наоборот. Французский журнал «Монд дипломатик» в августе 1982 года сообщал: «Операция «Мир для Галилеи» серьезно усугубила изоляцию еврейского государства. Эта война вызвала осуждение большей части общественности Запада, о чем свидетельствуют результаты опросов в США и некоторых других странах. С беспокойством задаются вопросы об обоснованности расчетов правящей верхушки Израиля.

Подобного рода осуждение милитаристского и агрессивного курса израильского руководства на страницах буржуазной прессы Запада встречается едва ли не впервые. Американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» еще задолго до прекращения огня в Бейруте писал: «Впервые за пять крупных конфликтов с арабами традиционное единство Израиля в военное время начинает исчезать под воздействием напряжения, вызванного войной против палестинских партизан в Ливане. Никогда раньше Израиль не наблюдал таких открытых разногласий среди собственного народа — сидячие забастовки, пикеты и даже пресс-конференции солдат, на которых они выступают против военных действий».

Согласно опросу в Израиле, один его житель из четырех уже в июле считал вторжение в Ливан неоправданным, а большинство высказывалось против штурма Бейрута. 3 июля в Тель-Авиве состоялась беспрецедентная за время существования Израиля демонстрация протеста. Около ста тысяч ее участников, среди которых было немало и военнослужащих, прошли по улицам города, выкрикивая лозунги осуждения шовинистической политики своего правительства, требуя смещения «ястребов» войны — Бегина и министра обороны Шарона.

Хронически больная экономика Израиля, трудности с устройством на работу по специальности, рост дороговизны, откровенно милитаристский курс правительства — все эти и другие нерешенные да и неразрешимые проблемы ставят многих израильтян перед дилеммой: оставаться в стране, живя в страхе за завтрашний день, или уезжать? А если уезжать, то куда?

Вопрос далеко не риторический. Он неотвратимо возникает и у приехавших на постоянное жительство в Израиль, и у тех, кого всяческими посулами заманивают туда сионистские вербовщики.

И не только возникает, но и ощутимо сказывается на демографическом положении в стране. В последние годы число покинувших Израиль значительно превышает число въехавших в него. Эмигрировавших в другие страны набралось уже ни много ни мало полмиллиона человек. Побывав в США, бывший тогда министром обороны Израиля генерал Шарон так изложил свои безрадостные впечатления: «Нью-Йорк превратился в самый большой город израильтян — вместо Тель-Авива».

Эмиграцию не в силах сдержать ни обращение к религиозным чувствам израильтян, ни «научные» прогнозы бурного расцвета экономики страны, а следовательно, и вот-вот грядущего благосостояния всех и каждого. Нынешнее руководство страны вынуждено во всеуслышание признать, что ей «грозит истощение людских ресурсов».

Учитывая эту статистику, правящие круги Израиля пришли к выводу, что их подленько подводят заокеанские сионисты. Сколько раз они обещали поставить надежный заслон тем евреям-иммигрантам, которые, покинув родину под предлогом возвращения на «землю предков», предпочитали обосноваться в США. Даже не заехав в Израиль, чтобы засвидетельствовать свои родственные чувства семьям, к «воссоединению» с которыми так стремились. За этим выводом последовали и конкретные действия.

Как сообщала израильская газета «Джерузалем пост», правление Еврейского агентства (Сохнут) приняло решение «прекратить помощь тем иммигрантам, которые, выехав из Советского Союза по израильским визам, едут затем не в Израиль, а в США, Канаду, Австралию и другие страны». Публикуя это сообщение, газета давала понять, что принятое решение, как говорится, обжалованию не подлежит, что время заманивания в Израиль пряником кончилось, настала пора воспользоваться и кнутом.

Круг неразрешимых проблем «возвращения в Сион», пополнения «очага еврейской нации и культуры» замкнулся. Одни евреи не хотят даже ступить на израильскую землю, другие «голосуют ногами» против дальнейшего пребывания на ней: разбегаются куда глаза глядят. А сионисты продолжают зазывать в израильскую западню очередных искателей счастья, людей, сбитых с толку изощренной пропагандой, щедро субсидируемой определенными службами.

Апологеты сионизма наряжают свою реакционную идеологию в различные маскарадные костюмы. Одна из разновидностей такого маскарадного костюма — миф о «единой духовной общности» как «высшем достижении цивилизации», «единой культуре».

С годами, по мере того как сионизм обогащал арсенал своих пропагандистских приемов, разрабатывал стратегическую линию идеологической и психологической обработки, миф о «единой еврейской культуре» обрел еще более националистическую окраску. «Научной» базой для него стал иудаизм с его реакционными и ветхозаветными догматами.

Миф о еврейской «единой национальной культуре» не нов. Ему столько же лет, сколько существуют в мире сионизм и его реакционная идеология. Разоблачая реакционную сущность требований Бунда, претендовавшего на автономию евреев в рабочем движении, В. И. Ленин писал: «Кто прямо или косвенно ставит лозунг еврейской «национальной культуры», тот (каковы бы ни были его благие намерения) — враг пролетариата, сторонник **старого** и **кастового** в еврействе, пособник раввинов и буржуа. Наоборот, те евреи-марксисты, которые сливаются в интернациональные марксистские организации с русскими, литовскими, украинскими и пр. рабочими, внося свою лепту (и по-русски и по-еврейски) в создание интернациональной культуры рабочего движения, те евреи — вопреки сепаратизму Бунда — продолжают лучшие традиции еврейства, борясь против лозунга «национальной культуры».

Большинство сионистских организаций в Израиле и за океаном главной мишенью своих нападок избрали СССР и страны социалистического содружества. На всех сионистских сборищах, проводимых ими под громкими названиями «международных конгрессов», «всемирных конференций», «научных симпозиумов», «слушаний» и так далее, Советский Союз открыто и широковещательно провозглашается врагом сионизма номер один.

Одним из таких осиных гнезд идеологических диверсий против СССР является в США так называемая «Национальная конференция в защиту советских евреев», созданная в 1970 году на базе тридцати четырех сионистских организаций. Ее председателем был известный антисоветчик Стенли Лоуэл, которого сменил сионистский лидер еще более правых взглядов Теодор Ман.

Пойманные с поличным в СССР — сионистской литературой, адресами и фамилиями лиц, интересующих американские спецслужбы, инструкциями для отщепенцев, согласившихся за подачки поставлять клеветнический и тенденциозный материал,— некоторые посланцы Теодора Мана поведали кое о каких тайнах и своего шефа и его диверсионного центра.

Штаб-квартира «Национальной конференции в защиту советских евреев» располагается в Нью-Йорке. Правит всеми ее грязными делами исполнительный комитет, состоящий из одиннадцати особо доверенных Теодору Ману сионистов. Разработанная ими программа подрывной деятельности против СССР вкратце выглядит так: сбор клеветнических материалов, дискредитирующих внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза, проведение антисоветских акций в США — демагогических демонстраций «протеста» против заключения торговых сделок с нашей страной, продолжения переговоров о сокращении вооружений, выступлений творческих коллективов, а также оказание давления на сионистское и произраильское лобби в конгрессе и правительстве США. Известно, что во время обсуждения в конгрессе США пресловутой поправки сенатора Джексона о дискриминационных ограничениях в торговле с СССР сионистские эмиссары, побывавшие в нашей стране, активно искали людей, которые согласились бы отправить в правительственные круги США, в ООН обращения в поддержку требований сенатора-сиониста.

Программа «Национальной конференции» четко определяет и главную задачу засылки в СССР сионистских эмиссаров — раздувать среди евреев националистические настроения, склонять их к созданию националистических формирований, под прикрытием безобидной вывески кружков по изучению древнееврейского языка, разного рода семинаров — религиозных, научных, философских, клубов встреч и обмена мнениями. Само собой разумеется, что роль идеологических опекунов этой «программы культуры», поставщиков соответствующей литературы, направленной на разжигание национализма и экстремизма, международный сионизм берет на себя.

Попытки создания в Советском Союзе сионистских звеньев известны давно. Еще в 1972 году член ЦК Коммунистической партии Израиля В. Эрлих писал: «В социалистических странах, в том числе в СССР, сионизм пытается распространять яд антисоветизма среди евреев и неевреев. Евреи, иммигрировавшие из СССР в Израиль и другие капиталистические страны, открыто признавали, что силами сионистов в СССР созданы кружки и организации, занимающиеся распространением антисоветской литературы и другими незаконными действиями». Кстати говоря, Всемирная сионистская организация (ВСО) имеет специальный департамент информации, который свою подрывную деятельность против нашей страны называет «стимулированием иммиграции путем распространения среди советских евреев правдивой информации о государстве Израиль и ценностях иудаизма».

Что это за «ценности», ради чего они экспортируются в социалистические страны международным сионизмом, хорошо известно по многочисленным высказываниям его лидеров разных поколений. Каждый еврей обязан «оказывать помощь Израилю, невзирая на то, желает этого или нет правительство страны, которому подчинены евреи, проживающие в ней»,— поучал премьер-министр Израиля Бен-Гурион.

Вот так сионистские идеологи и вербовщики подводят идеологическую базу под свое грубое вмешательство во внутренние дела других стран, открыто призывая проживающих в них евреев не соблюдать законы страны проживания.

Нельзя сказать, что сионистские ловцы душ преуспели на этом поприще. Однако кое-кто в их сети все же попадается...

Бывший учитель математики в 33-й вечерней школе Ленинграда Я. И. Городецкий документов на выезд в Израиль не подавал. Он один из тех, кто сионистским организациям на Западе нужен здесь, в Советском Союзе. Ловко играя на его самолюбии, стремлении к лидерству, всячески разжигая националистические настроения, сионисты из-за рубежа склонили Городецкого к пренебрежительному отношению к советским законам. Он, как в болото, погрузился в изучение сионистской литературы, тиражируя ее на машинке и распространяя среди знакомых. Городецкого предупреждали о том, что действия его никак не согласуются с некоторыми статьями Уголовного кодекса, но он не внял этим предостережениям. Понимая противозаконность своих действий, Городецкий хранил сионистскую литературу антисоветского содержания, клеветнические материалы о «бесправном» положении советских евреев не у себя дома, а у знакомых. Там все это и было изъято компетентными органами.

На одном из этих материалов следует остановиться особо. Сочинен он знакомым Городецкого Г. И. Вассерманом.

Сочинение Вассермана, названное «Здравствуй, мой друг»,— это перепев сионистских сетований на «смертельную опасность ассимиляции» евреев, призывы к возрождению еврейской жизни в СССР. Заканчивается это националистическое послание, предназначенное к широкому распространению, так: «Быть евреем означает также ощущать тяжелую неестественность галута (так на иврите называется проживание евреев во всех других странах, кроме Израиля.— **Е. В.**) и желать ему скорейшего конца. Быть евреем означает не только мечтать, но и действовать в этом направлении».

«Направление», о котором несколько туманно говорится в «послании», определено, конечно же, не самим Вассерманом. Он, Городецкий и другие их единомышленники разработали его согласно сионистским инструкциям, рекомендующим «возвращаться к еврейству еще до возвращения в еврейскую страну», пройдя соответствующую школу в так называемых ульпанах — кружках и семинарах по изучению языка, истории и иудаизма.

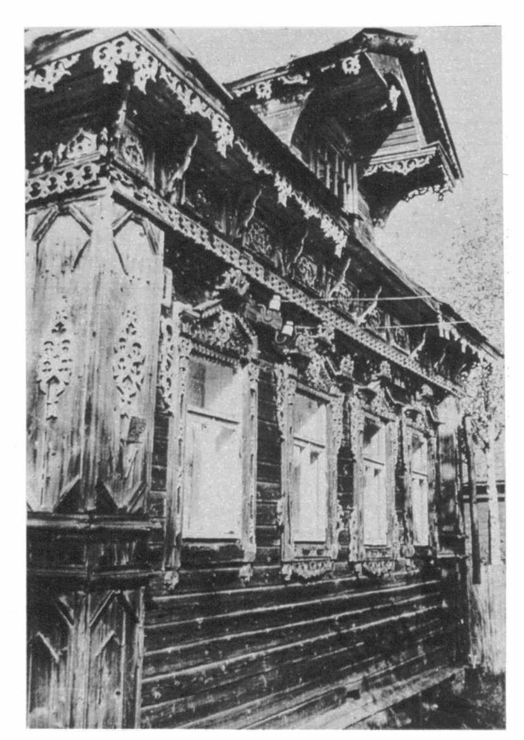
Городецкий, Вассерман и их компания заявляют, что деятельность этих ульпанов «будет ценным вкладом... в дело укрепления дружбы между народами СССР, расширения связей со всей прогрессивной мировой общественностью».

Прочтя эти демагогические строчки официального заявления, я невольно вспомнил тринадцатилетней давности уголовный процесс, когда перед судом держала ответ разбойная группа, пытавшаяся захватить и угнать рейсовый самолет «АН-2». Следствие и суд установили, что «претенденты» на воздушное пиратство поддерживали связь с зарубежными сионистскими организациями, получали от них инструкции и антисоветскую литературу, а в дни, предшествовавшие попытке захвата самолета, действовали по сценарию, одобренному израильскими спецслужбами.

А всплыл в памяти этот процесс вот почему. Ядро разбойной группы тоже занималось в ульпанах и тоже утверждало, что не видит в этом ничего плохого. И тем более противозаконного. Ну, собираются по вечерам, ну, изучают древнееврейский язык. Этой же безобидной версии они придерживались и на суде.

Но вот недавно у одного из сионистских эмиссаров таможенники изъяли целую кипу антисоветской литературы. В том числе воспоминания активного участника представшей в 1970 году перед судом той самой разбойной группы Гилеля Бутмана. Отбыв положенный срок, он подался в Израиль и взялся там за перо. На этот раз не изворачиваясь, не прикрываясь, как это было на суде, демагогической фразой, Бутман описывает события тех дней, признает, что он и его единомышленники пришли к сионистской идеологии, к созданию подпольной сионистской организации (с распределением в ней обязанностей, уплатой членских взносов) именно через ульпаны. Они, ульпаны, сообщается в предисловии, «открыли новый мир перед теми, кто еще недавно считал своими героями не Бар-Кохбу и Трумпельдора, а Александра Невского и Дмитрия Донского, Петра Первого и декабристов»... Сионистские центры Запада ухватились за «культурную программу» ульпанов потому, что она служит надежным прикрытием подлинных замыслов идеологических диверсантов Сиона. Откровения Бутмана лишь чуть-чуть приоткрывают темную завесу, скрывающую всю подноготную этих замыслов. «Мы не ставили своей целью изменение существующего в СССР строя,— пишет он,— но объективно мы раскачивали лодку и болели за то, чтобы когда-нибудь она перевернулась».

Многочисленные факты, в том числе материалы, изъятые при контрабандном перевозе через границу у эмиссаров «Национальной конференции» Юджина Голда, Филлы Гольдстейн, Юлеса Липперта, Джозефа Пупко, Аллана Голда, Гарольда Гринберга, Мирны Шинбаум, Эрнеста Канна, Харольда Левайна, Ритасью и Гарри Чарльтейнов, Эхави Шайндлин, Вильяма Арона и других, убедительно свидетельствуют: все эти ульпаны, или «кружки» и

Изба Ф. Д. Ерошкина должна быть сохранена как памятник культуры.

земля родная

БОГОРОДСКАЯ ИГРУШКА

Из каких давних времен пришли к нам богородские медведи и козлики, петухи с курицами, кузнецы и дровосеки, все эти замечательные по незамысловатому, но очень доброму смыслу фигурки? По мнению искусствоведов, родники художественных традиций богородских резчиков просачиваются из дремучих лесов и туманов пятнадцатого и шестнадцатого веков России. Но как организованное, народное искусство деревянной скульптуры богородская резьба сложилась к XVIII веку в связи с игрушечным промыслом, расположившимся неподалеку от Сергиева посада. (Произведения богородских мастеров публикуются на 4-й обложке журнала.)

К 1913 году среди богородских мастеров вызрела мысль объединиться в артель. Степенные мужики долго обсуждали на сходках это важное дело. Сходки чаще всего проходили в доме Филиппа Дмитриевича Ерошкина. Дом этот, украшенный затейливой резьбой, пока еще сохранился.

Мировая война, революционные вихри приостановили развитие богородского артельного искусства. Однако молодое Советское государство в первые же годы своего существования приняло ряд решений и декретов в поддержку народных промыслов. Ожило село Богородское.

И опять тяжкое всенародное испытание — Великая Отечественная. Семьдесят богородчан не вернулись с фронта, и в небольшом селе одна из немногих улиц названа в народе «Улицей вдов». В дни войны вырезать деревянные фигурки казалось бы несвоевременно. Но страна сочла возможным и необходимым отозвать с фронта несколько резчиков, чтобы не погибло древнее искусство.

Сегодня многих тревожит судьба знаменитого села и древнего процветающего здесь искусства. Суть экологии — охрана не только природы во всех ее прекрасных проявлениях, но и духовного мира людей, их творчества, культуры. В этом смысле богородская резьба как бы частица окружающей среды. Сейчас в Богородском эта среда стала не окружающей, а окружаемой, вернее, уже окруженной. Рядом с селом Богородским возводится Загорская ГАЭС. Многоэтажные типовые дома теснят Богородское со всех сторон. Снесены или подготовлены к сносу уже более сорока изб села, в том числе и с великолепной резьбой одного из основоположников артели, Ерошкина. Там, где патриотический долг подсказывает построить музей истории богородского искусства, намечено возведение гаражей, овощных складов, банно-прачечного комбината и мазутохранилища. Они совершенно обезображивают центральную часть села.

Позиция Министерства культуры РСФСР четко выражена в письме на имя председателя Московского облисполкома, в котором была изложена просьба приостановить застройку территории села впредь до разработки охранной зоны. Письму этому больше года. Но где же охранная зона? Все, что сейчас делается вокруг села и на его территории, может привести в замешательство и смущение самого невзыскательного человека. Пустые с черными, слепыми глазницами окон или уже полуразрушенные избы богородчан на той улице, что примыкает к поселку энергетиков; искореженные тракторами и другой мощной строительной техникой дороги; тут и там хаотическое скопление временных будок и вагончиков, частных гаражей и сараев.

Беседа с директором Богородской фабрики Т. С. Ткачуком началась с произнесенной им фразы: «Историю не остановишь». Да, конечно, возведение крупнейшей ГАЭС на реке Кунье — важнейшее для страны дело, но непонятно, почему некогда село Богородское было отнесено к разряду «неперспективных деревень»? Продолжая свой рассказ, Ткачук жаловался на трудности с сырьем, говорил о снижении спроса на продукцию фабрики, однако как положительный факт отметил, что в 1960 году было построено двухэтажное каменное фабричное здание.

На этом факте надо бы остановиться. Необходимость собрать резчиков по дереву в одном цехе пусть обсуждают специалисты. Вопрос сложный, спорный. Однако от многих богородчан приходилось слышать, что в родном доме работа спорилась. Работали семьями, старались соблюсти честь, марку фамилии. Была гармония между количеством и качеством. Сейчас все чаще и чаще приходится слышать о плане, потоке, о валовой продукции, что несовместимо с искусством.

По свидетельству печати, подобная картина наблюдается и на некоторых других промыслах: ростовская финифть, каслинское литье. Возведение капитального основного и нескольких подсобных помещений фабрики не вызвало у богородчан энтузиазма (некоторые из зданий сейчас пустуют, заброшены). Многие отмечают, что и эти стройки, и содержание солидного административного аппарата, и попытки ненужной механизации, например, покупка несколько лет назад двух дорогих, так и не использованных станков, и другие непродуманные мероприятия по налаживанию поточности производства — все это в конце концов ложится весомым грузом накладных расходов на стоимость продукции. Так копеечные деревянные петушки и курочки приближаются по стоимости к натуральной продукции птицеферм. Откуда же взяться спросу?

Профтехшкола, готовящая резчиков по дереву с учетом местных традиций резьбы, почему-то административно отделена от фабрики. Из тридцати в среднем ежегодно оканчивающих школу в Богородском остаются всего пять-шесть человек. Да и те рано или поздно уходят на стройку или в город. Мало молодежи на фабрике.

В то же время среди богородчан семь членов Союза художников СССР, из которых трое — заслуженные художники РСФСР. Живут в Богородском и ветераны войны, ветераны труда, кавалеры самых высоких орденов — весьма уважаемые, почтенные люди. Верится, что они еще скажут свое слово. И, конечно, очень хотелось бы услышать голос молодежи. Именно им предстоит сохранить традиции богородского художественного промысла, развить и преумножить мастерство отцов и дедов.

Энергетики рассказывают о высоком уровне автоматизации работы будущей ГАЭС. Работать на пультах будут максимум триста—четыреста человек да столько же в сфере обслуживания. Представляется разумным, чтобы лишь эти люди с семьями жили бы в поселке при Загорской ГАЭС. Между тем, к сожалению, уже сейчас в многоэтажных домах поселка поселилось значительно больше людей, чем потребует станция после ее пуска.

Конечно, прав Т. С. Ткачук: «Историю не остановишь». Но не надо забывать, что историю делают люди. Подкорректировать пути развития села Богородское, спасти богородский промысел — наша общая задача.

Михаил ПОСПЕЛОВ,
общественный инспектор Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

«клубы» не что иное, как фиговые листки, целомудренно прикрывающие противоправные деяния. Мечта сионистских заправил — превратить их в свои опорные пункты в СССР, сделать рупорами реакционной идеологии.

Сионисты не скупятся на заверения о том, что они озабочены лишь одним: возрождением и сохранением еврейской «единой национальной культуры», которая, дескать, спасет «народ Моисея» от ассимиляции. Но эти заверения лживы от начала до конца.

Парадоксально, но факт: абсолютное большинство сионистских газет и журналов в Европе и США выходят не на иврите, за который так ратуют сионисты, и даже не на идиш, а на языках стран проживания евреев. Вот что по этому поводу не без иронии писал известный английский журналист Солли Сакс: «Уже несколько лет они (сионисты.— Е. В.) вопят о «подавлении» еврейской культуры в Советском Союзе. Можно подумать, что все полмиллиона евреев в Англии говорят на еврейском языке, а на полках в их домах стоят сочинения лишь еврейских писателей. На самом деле только один процент этих людей говорит по-еврейски. За 17 лет жизни в Англии я не видел ни одной газеты или журнала на еврейском языке и не слышал о еврейском театре. Евреев-писателей, поэтов, драматургов много, но они пишут по-английски и, по существу, не являются еврейскими писателями».

Невольно возникает вопрос: зная и признавая, что «главная причина ассимиляции в самих евреях», что ею охвачены все страны и особенно США, сионистские лидеры, радеющие за «чистоту» еврейского населения, почему-то пенутся лишь о советских евреях.

Уместно им напомнить, что Советский Союз является единственной в мире страной, где гражданам еврейской национальности конституционно гарантирована возможность осуществить свое право на самоопределение. В 1934 году в составе РСФСР была создана Еврейская автономная область. Советские евреи, как и граждане других этнических групп, имеют все права для духовного развития, для широкого участия в дальнейшем обогащении интернациональной советской культуры.

По данным последней переписи, в СССР лишь 15 процентов граждан еврейской национальности знают или считают своим родным языком идиш. Но и они не обойдены в нашей стране вниманием к их этническим, культурным запросам. Есть у нас и литераторы, пишущие на идиш, есть и пресса на этом языке: выходящий в Москве литературно-художественный журнал «Советиш геймланд», газета «Биробиджанер штерн». Есть и еврейские музыкальные театры и ансамбли... В любой библиотеке можно найти сочинения Шолом-Алейхема и Менделе Мойхер-Сфорима, Переца Маркиша и Давида Бергельсона, многих других известных еврейских писателей и поэтов.

Подобные примеры очевидны и привычны для граждан СССР любой национальности. В нашей стране все люди равны и пользуются одинаковыми правами. Это основа основ ленинской национальной политики. Не случайно в «Обращении» созданного недавно Антисионистского комитета советской общественности подчеркивалось: «Советские евреи с презрением отмечают попытки сионистских пропагандистов вмешиваться в их жизнь, гневно осуждают ложь и клевету на социалистическое Отечество. Граждане СССР — евреи — неотторжимая часть советского народа».

Окончание следует.

«ПОЧИТАЯ СЫНА МОЕГО СОВЕРШЕННО СЧАСТЛИВЫМ...»

В. САБИНИН,
Н. САМГИНА

«Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов». Так пишет Пушкин в своей статье о Вольтере. Сказаны же они как бы о самом Пушкине.

Любой, даже самый малый штрих, относящийся к жизни и творчеству Пушкина, нам интересен и дорог. Кто из нас, заново переживая биографию его, не пытался прожить с ним хоть на один день больше того, что отпустила ему судьба, продумать варианты и исходы, при которых не было бы 29 января, и, наконец, кто не мечтал, зная, конечно, наперед свою неудачу, прочесть дальше какой-нибудь неоконченный отрывок из Пушкина, заглянуть за его пределы.

Со времени гибели Пушкина прошло почти полтора века. Надежд найти какие-либо новые документы, связанные с Пушкиным, становится все меньше даже в тех случаях, когда речь идет об известных материалах, например, о таинственно исчезнувших более полувека назад письмах Наталии Николаевны к Пушкину.

Теперь перед нами новый документ из жизни Пушкина — неизвестное письмо Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к деду его невесты, Наталии Николаевны Гончаровой,— Афанасию Николаевичу в связи с предстоящей женитьбой их сына.

Вот текст письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных:

«Милостивый государь Афанасий Николаевич! Почитая сына моего совершенно счастливым, входя в почтеннейшее семейство ваше, и принимая по любви моей к нему живейшее в сем участие, за обязанность поставляю поручить себя в благосклонное внимание ваше как первого виновника его благополучия. Счастливым почту и себя, когда буду иметь случай лично принести вам за него мою признательность и уверить в искреннем почитании и преданности с каковыми честь имею пребыть Милостивый Государь

Ваш покорнейший слуга
Сергей Пушкин

С. Петербург
Июля 20-го дня
1830-го года

Позвольте и мне, милостивый Государь, вместе с мужем моем поручить себя в благосклонность вашу, и изъявить вам благодарность мою за моего сына почитая его совершенно счастливым. При засвидетельствовании вам искреннего почитания честь имею пребыть

Милостивый Государь
Покорнейшая Ваша
Надежда Пушкина».

Интерес к письму имеет несколько планов. Во-первых, это письмо, в котором о Пушкине говорится прижизненно. Во-вторых, это письмо его родителей. В-третьих, это письмо о его предстоящей женитьбе. И, наконец, это история самого письма.

Итак, весной 1830 года Пушкин вторично просит руки Натали Гончаровой и на этот раз получает согласие. «Прошу вашего благословения,— пишет он родителям,— не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия — и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительная, чем моя печальная молодость» (начало апреля 1830 года).

Пора бурных увлечений прошла, как думал Пушкин. Относясь к женитьбе как шагу чрезвычайно серьезному, не мог подавить он в себе и сомнений, связанных с изменением уклада жизни, с потерей так называемой свободы, возникновением новых обязанностей, прежде всего семейных, которые могут войти в противоречие с его творчеством. «Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано... Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут... В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться...» (письмо Н. И. Кривцову, 10 февраля 1831 года). Летом того же 1831 года, года женитьбы, заканчивает Пушкин сказку о царе Салтане, куда выплеснулись его чувства и мысли, надежды и сомнения, не вместившиеся в письма и в разговоры с друзьями:

Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу
Не женат лишь я хожу».—
— «А кого же на примете
Ты имеешь?» — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.

И дальше:

Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица,
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем...

Несмотря на согласие Натали Гончаровой и ее матери, положение по разным причинам неустойчиво, неокончательно, и так будет продолжаться до конца года, то есть почти до свадьбы, которая состоялась 18 февраля 1831 года.

Пятого мая, то есть всего за день до помолвки, назначенной на 6 мая 1830 года, Натали пишет деду — А. Н. Гончарову, которому адресовано и выше публикуемое письмо: «Любезный дедушка! Узнав через Золотарева сомнения ваши, спешу опровергнуть оные и уверить вас, что все то, что сделала маминька,

Бюст Пушкина (не сохранился) в усадьбе А. А. Венкстерна Лаптево. (Публикуется впервые.)

Алексей Алексеевич Венкстерн. 1900-е годы. (Публикуется впервые.)

Милостивый Государь

Афанасий Николаевич!

Почитая сына моего, совершенно счастливым в ходе к почтеннейшему семейству вашему и принимая по любви моей к нему живейшее в сем участие, за обязанность поставляю поручить себя в благосклонное внимание ваше как первого виновника его благополучия. — Счастливым почту я себя когда буду иметь случай лично принести вам за него мою признательность и уверить в искреннем почтении и преданности с каковыми честь имею пребыть

Милостивый Государь

Ваш покорнейший слуга

Сергей Пушкин

С. Петербург
Июля 20го дня
1830го года

Позвольте и мне, Милостивый Государь, вместе с Мужем моим поручить себя вашему благосклонному вниманию, и изъявить вам благодарность мою за моего сына, почитая его совершенно счастливым.

При засвидетельствовании вам искреннего почитания честь имею пребыть

Милостивый Государь

Покорнейшая Ваша

Надежда Пушкина

Письмо родителей Пушкина о его женитьбе. Автограф. (Публикуется впервые.)

Отец А. С. Пушкина — Сергей Львович.

Мать А. С. Пушкина — Надежда Осиповна.

было согласно с моими чувствами и желаниями. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам о нем внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета...» Наконец 29 июля 1830 года Пушкин посылает из Петербурга в Москву письмо невесте, в котором рассказывает о своих делах, в частности подробно описывает визит к тетке Наталии Ивановны — Наталии Кирилловне и далее, прежде чем перейти к расспросам о делах Натали, пишет: «...На этих днях отец по моей просьбе написал Афанасию Николаевичу, но, может быть, он и сам приедет в Петербург...» Таким образом, о существовании публикуемого письма можно было догадаться из письма Пушкина. Оно написано С. Л. Пушкиным по просьбе сына, хотя отец мог бы это сделать по своей инициативе и притом много раньше. Скорее всего это следствие той напряженности в отношениях между родителями и сыном, которая всегда существовала и особенно усилилась в период михайловской ссылки. Видимо, Пушкин был вынужден обратиться с подобной просьбой к отцу для укрепления своей позиции.

Итак, письмо было послано в июле 1830 года, получено, прочитано, положено в семейный архив Гончаровых. А затем у документа случилась своя судьба, до 1983 года, то есть до сегодняшнего дня, скрывшая его от внимания исследователей.

Оказалось, что последними владельцами письма была семья Венкстернов, об одном из российских предков которой в сохранившейся грамоте Екатерины II говорится: «Известно и ведомо да будет каждому, что мы Христофора Винкиштерна, который нам капитаном служил, для его оказанной в службе ревности и прилежности, в наши секунд-майоры тысяча семьсот шестьдесят пятого года, августа тридцать первого дня, всемилостивейше пожаловали и учредили...»

Его потомок, хранитель пушкинской реликвии Алексей Алексеевич Венкстерн, окончил филологический факультет Московского университета, и в дальнейшем вся его жизнь была связана с литературой и театром. Театр оставался страстью Венкстерна до последних лет его жизни, даже в домашней обстановке.

Он был душой спектаклей в своей усадьбе Лаптеве. Его дети — их было у него пятеро, друзья, молодежь Поливановской (мужской) и Арсеньевской (женской) гимназий с увлечением участвовали в постановке и исполнении классических пьес, сатирических водевилей, написанных самим Венкстерном и его родственником В. Е. Гиацинтовым, педагогом Поливановской гимназии, а впоследствии директором Румянцевского музея. Дочь В. Е. Гиацинтова и сестры Венкстерна — С. В. Гиацинтова — стала впоследствии известной советской актрисой.

В «Русском Вестнике» и «Русском обозрении» печатались оригинальные стихи А. А. Венкстерна и его переводы западноевропейских классиков. Вот что писал в некрологе в связи со смертью Венкстерна в журнале «Весы» (1909) поэт Сергей Соловьев: «Многие москвичи помнят веселое и прекрасное время «шекспировского» кружка». Во главе этого кружка стоял покойный Лев Иванович Поливанов. На знамени были имена Пушкина и Шекспира. Душой всего — Алексей Алексеевич Венкстерн. Шекспировский кружок был союз людей молодых и кипящих жизнью... тонко образованных и культурных, делящих время между занятиями литературой и театром... Из этого кружка вышел известный философ Л. М. Лопатин. В близких отношениях к кружку стояли: Владимир Соловьев, Ф. Е. Корш, Павел Бакунин. Спектакли кружка были освящены присутствием И. С. Тургенева... Венкстерн рано начал писать стихи. Его святыней была поэзия Пушкина.

Здесь все, чем жизнь была богата,
И между строк подметишь ты
Души, тебе родной когда-то,
Полузабытые черты.
Пусть из тумана лет минувших,
Раздвинув времени покров,
Всплывут виденья обманувших,
Но все же милых сердцу снов...

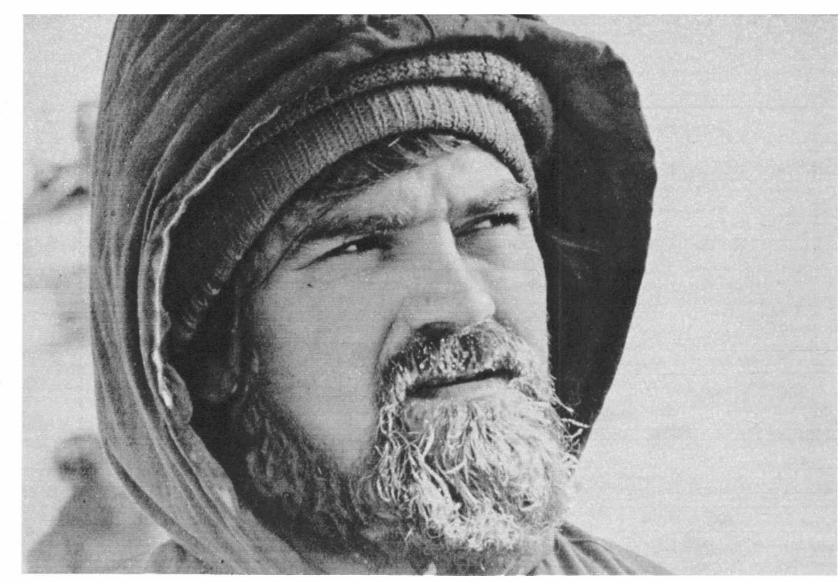
К открытию памятника Пушкину Венкстерн составил единственную для того времени полную биографию Пушкина, вошедшую в альбом пушкинской выставки... Вижу его на балконе, в кругу семьи и друзей, где его боготворят, где закон — каждое его слово, где он шутит весело и необидно, шутит, как шутили люди пушкинской плеяды. Он был художествен весь, до мелочи, все было художественно вокруг него, в его имении, с холмами, поросшими молодым березняком и орошенными веселыми источниками, с цветником из роз, окружавших статую его любимца Пушкина...»

Прочитав биографию Пушкина, написанную Венкстерном, нельзя не согласиться с Соловьевым, что он был человеком пушкинской культуры. И что не менее важно для нас сейчас, в биографии еще ощущается живой воздух пушкинской поры без «хрестоматийного глянца», возникшего в более поздние времена,— в ней есть дыхание. Биография Пушкина была написана Венкстерном по поручению Общества любителей российской словесности, секретарем которого он был впоследствии в течение ряда лет. Переизданная отдельной книжкой в 1899 году биография использовалась в качестве учебного пособия в московских гимназиях. Отметим, что только сто лет спустя (в 1981 году) появилась книга Ю. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин», предложенная в качестве учебного пособия для учащихся.

Сохранились документальные и устные свидетельства того, что А. А. Венкстерн, помимо публикуемого документа, был обладателем документов, связанных с Пушкиным и его эпохой. Вот отрывок из письма директора Румянцевского музея от 26 ноября 1912 года В. А. Венкстерну — сыну А. А. Венкстерна: «...получив сего числа любезный дар Ваш Московскому Публичному и Румянцевскому музеям, состоящий из двух контрактов на квартиру А. С. Пушкина 1 мая 1835 и 1836 годов, я почитаю своею приятной обязанностью изъявить Вам глубокую благодарность от лица вверенных мне музеев за Ваше внимание к их просветительным задачам...»

В истории русской культуры и просвещения есть имена, которые как бы отступили, затерялись в дымке лет. Среди них имя Алексея Алексеевича Венкстерна. Достойно вспомнить его в связи с бережно сохраненной пушкинской реликвией.

СХВАТКА С АРКТИКОЙ

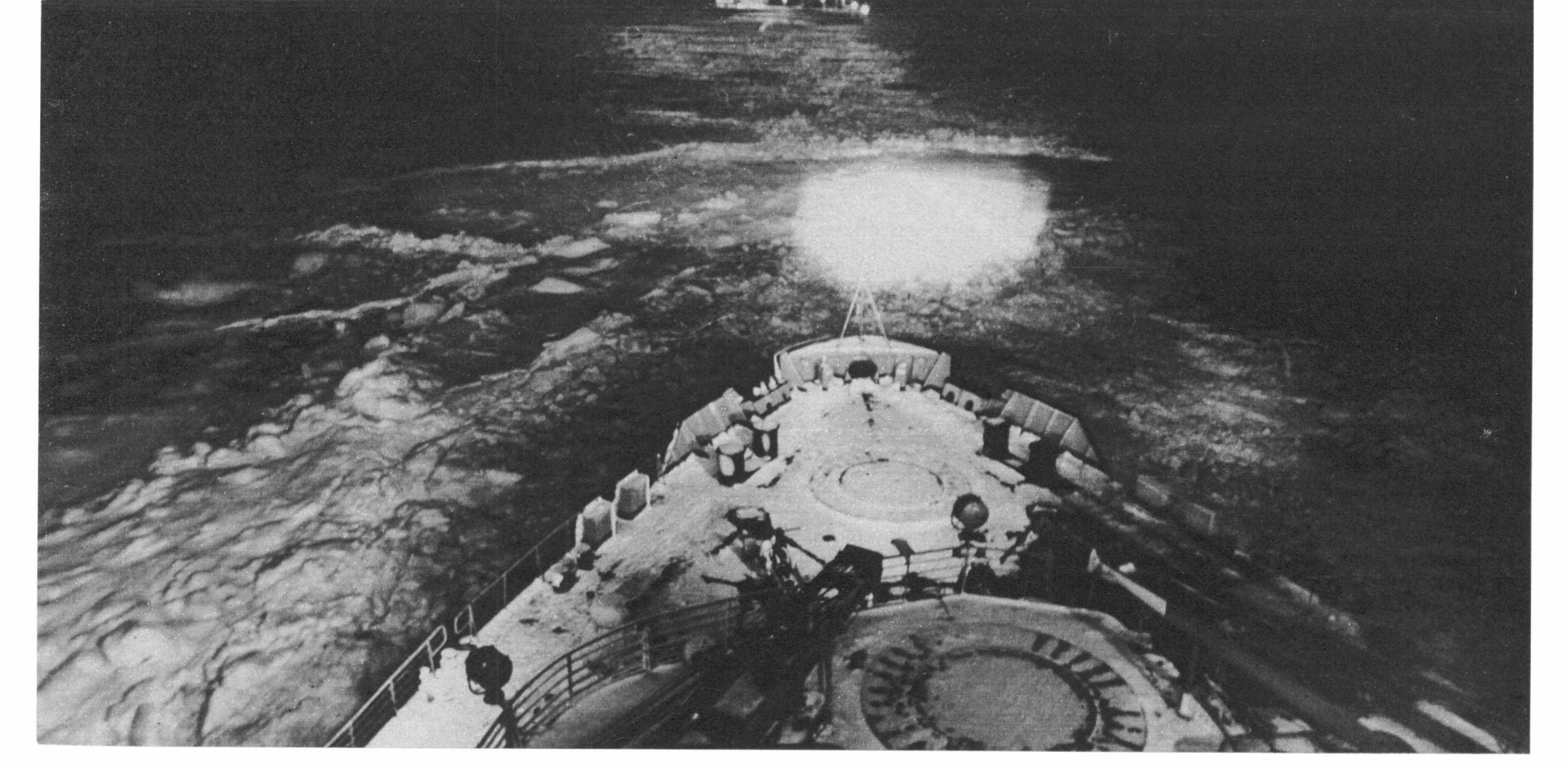
Подшкипер с ледокола «Капитан Сорокин» П. Полосин.

На ледоколе «Леонид Брежнев» поломался винт. Водолазы Геннадий Шустов (справа) и Валерий Лежников готовятся к спуску в океан.

Работу двигателей атомохода «Леонид Брежнев» обеспечивают главный инженер А. Зюганов (слева) и старший электромеханик Г. Золотаревский.

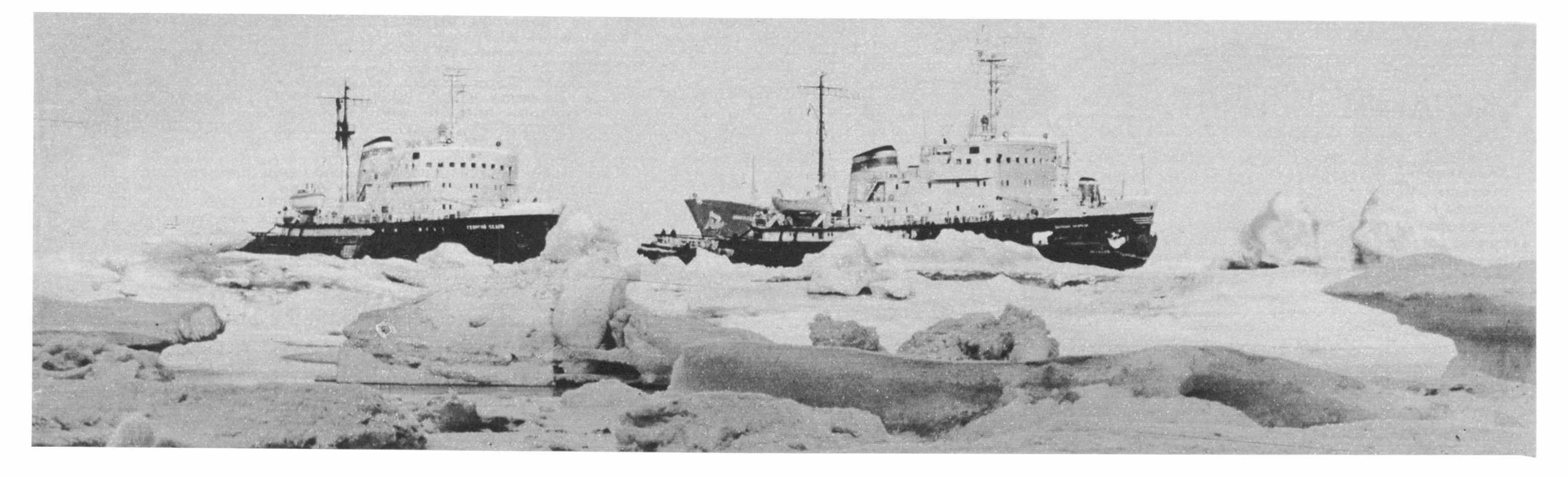

Ночная вахта...

Фото спец. корр. ТАСС Ю. ИЛЬЕНКО, В. ЯЦИНЫ

Ледоколы возглавили караван.

Подшивки последних номеров газет дышали стужей и тревогой. Караваны теплоходов при переходе Чукотского и Восточно-Сибирского морей попали в тяжелую ледовую обстановку. Тревожные радиограммы шли из Арктики. «Встал припай от устья Колымы до Берингова пролива», «Транспорты с грузами для Чукотки и Якутии в белой западне», «Лед заклинил рули», «Остановился главный двигатель»... Десятки судов были разбросаны в этом районе океана. Торопились к финишу навигации. Не успели.

Арктика есть Арктика. Ее надо одолевать — каждую навигацию, каждый раз, как в первый.

Пять десятилетий назад в точке почти с теми же координатами погиб «Челюскин». Изменился наш полярный флот, поднялись на борт новых судов новые люди. Арктика осталась прежней. Вот у мощного атомохода «Леонид Брежнев» лед поломал лопасть, и пришлось ремонтироваться, прежде чем помочь бедствующим. Полвека, утверждают, здесь не наступали так рано холода. И вдруг — ох, уж это коварное для кого-то «вдруг» — температура упала, окаменели ледовые кряжи, поднялся штормовой ветер, крепчал натиск канадского пака, многолетнего, монолитного льда. И затрещали борта сухогрузов, танкеров, теплоходов с поклажей для жителей и зимовщиков нашего Дальнего Севера. Хлынули воды океана в пробоину теплохода «Коля Мяготин», пошел на дно сухогруз «Нина Сагайдак», единственный после восемнадцатилетнего перерыва, когда льды вот так же раздавили стальную скорлупу лесовоза «Витим-лес». Героический молодежный экипаж спасли вертолеты...

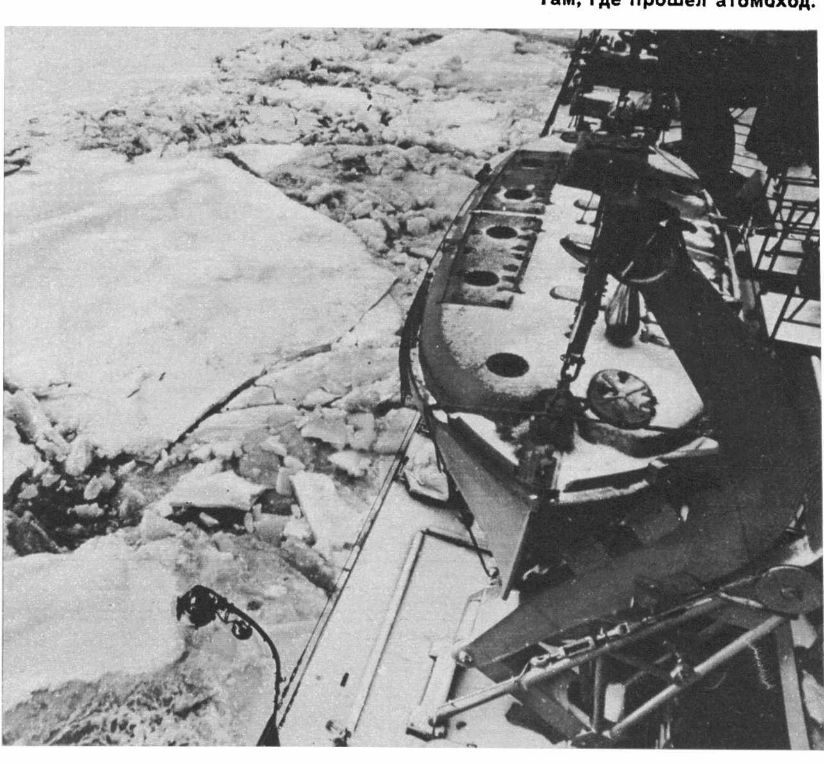
В Арктике как в Арктике. Льдам и дыханию смерти здесь противостоит закон братства и мужества. Круглосуточно работал штаб по спасению и проводке караванов, попавших в беду. Радисты сменяли друг друга — связь, несмотря на магнитные бури, помогала ледоколам из западного сектора точно выйти к ледовой западне. Несмотря на нелетную погоду, с воздуха велась разведка, то и дело поднимались слетевшиеся на выручку вертолетчики. А ледоколы утюжили, таранили, брали пак «набегом», кололи его, продавливали собственным весом. В океане с именем Ледовитый шла круглосуточная тяжелая работа. Ледоколы «Ленин», «Ленинград», «Магадан», «Ермак», «Капитан Хлебников», «Капитан Драницын», «Капитан Сорокин», «Мурманск», «Диксон»... Они успели, они делают свое дело. Арктика и на этот раз отступает,— точнее, уступает бесстрашным людям.

Есть чистая вода! Побеждает братство моряков, летчиков, связистов, метеорологов и гидрологов. Им будет что вспомнить в кругу измученных ожиданием родных и друзей!

Н. БЫКОВ

Там, где прошел атомоход.

АХ, ЭТОТ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Сколько десятилетий мечутся модельеры в поисках «супермоды». Что еще придумать? Снова укоротить юбки выше колен или, наоборот, объявить модными длинные шлейфы, с которыми без помощи грумов не справиться? Может, и дальше стараться женщин одевать мужчинами, а мужчин, как женщин? Нет, все не то!.. Вот и рождаются в этой суматохе наряды и украшения специально для страничек сатиры и юмора. Добро бы еще — видеть такое на подиуме в зале показа мод, но ведь некоторые щеголяют такими туалетами и на людях...

ПЕСТРАЯ СТРАНИЦА

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

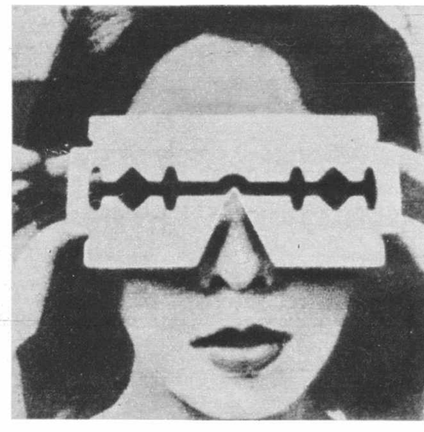
ЖЕЛАНИЕ УДИВИТЬ

Немало есть модельеров и дизайнеров, которые ищут не столько удобные и изящные формы и линии одежды и предметов обихода, сколько «нечто такое», что способно удивить и поразить воображение. Именно в этом, полагают они, залог успеха и возможность «сделать имя».

Примером таких «исканий» могут стать противосолнечные очки, появившиеся в ряде стран в прошедшем сезоне.

Такие очки больше всего подошли бы для карнавала... ▶

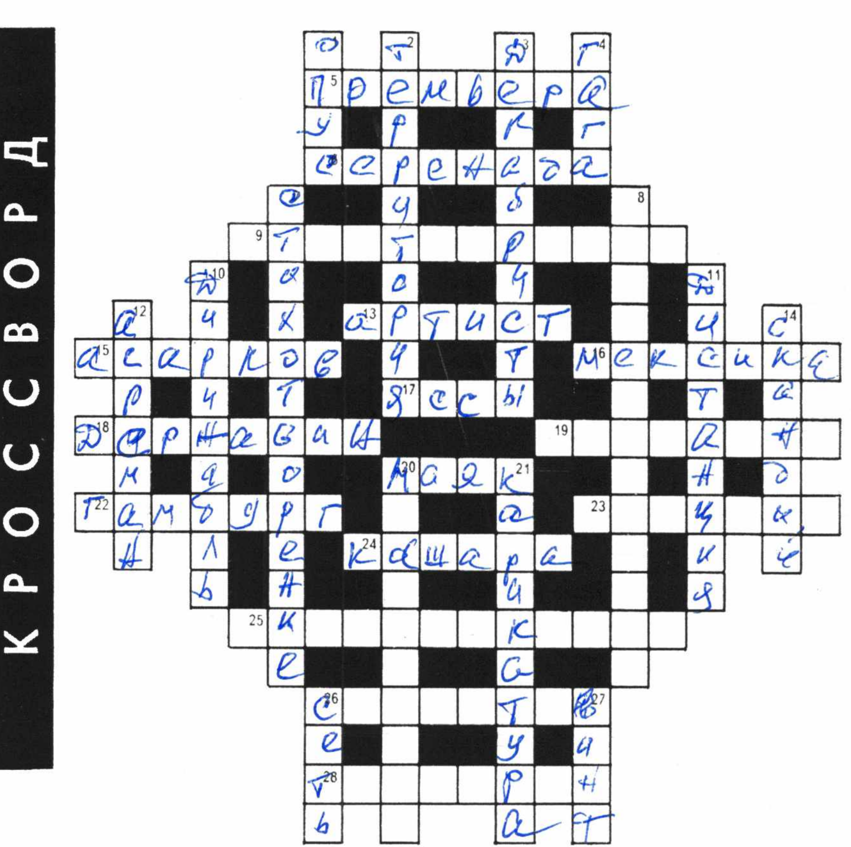

Эта модель очков «лезвие бритвы» была показана в модном ревю в Западном Берлине. «Маленькая» деталь: лезвие сделано из платины. ▲

Это очки с «дворниками». Казалось бы, удобно, протирают запотевшие стекла. По мнению же окулистов, приносят больше вреда, так как мешают глазам, заставляют их напрягаться. ▲

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Показ нового спектакля. 6. Жанр камерной вокальной музыки. 9. Раздел исторической геологии. 13. Исполнитель ролей на сцене. 15. Маршал Советского Союза. 16. Государство на юге Северной Америки. 17. Город в Румынии. 18. Русский поэт, представитель классицизма. 19. Бактериальное удобрение для бобовых культур. 20. Башня с сигнальными огнями, навигационный ориентир для судов. 22. Порт в ФРГ. 23. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 24. Помещение для содержания овец. 25. Определение при помощи звуковых сигналов местонахождения подводных объектов. 26. Русский ученый-физик XIX века. 28. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Чайка».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Повествовательный род литературы. 2. Определенная часть земной поверхности. 3. Опера Ю. А. Шапорина. 4. Полярная морская утка. 7. Небольшое поэтическое произведение. 8. Раздел языкознания. 10. Управляемый аэростат с двигателем. 11. Расстояние. 12. Согласие правительства принять в качестве постоянного дипломатического представителя лицо, предложенное другим государством. 14. Радиоактивный химический элемент, металл. 20. Знак препинания. 21. Форма изобразительной сатиры. 26. Рыболовная снасть. 27. Вал с лопастями в механизме самолета, вертолета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. «Шторм». 4. Абашели. 7. Электроника. 11. Герцен. 12. Цезура. 14. Омута. 16. Батист. 17. Тавляк. 18. «Возмездие». 19. Железо. 20. Ледник. 21. Швейк. 23. Вишера. 24. Рындин. 25. Лиственница. 26. Брукнер. 28. Арысь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ковш. 2. Шебекино. 3. Мельница. 5. Олицетворение. 6. Сказительница. 8. «Разуверение». 9. Перигелий. 10. Проводник. 13. Шабер. 15. Тятин. 21. «Шахтерка». 22. Кренкель. 27. Крым.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Успешно трудятся на плавучей буровой установке «Оха» старший геофизик Виктор Пантелеймонович Фирсов и бурильщик Василий Григорьевич Калинченко * Бурение скважины № 15 «Одопту-море» на шельфе северной части Сахалина.

Фото С. Метелицы (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. Дворников. «Неразлучные друзья» * Н. Максимов. «Мишка косолапый» * «Тачанка» (фрагмент) * Н. Шипеев. «Радость мужиков» * Н. Максимов. «И под дудку дурана пляшут кони гопака...» (См. в номере материал «Богородская игрушка».)

Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 21.10.83. Подписано к печати 08.11.83. А 00742. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2685. Заказ № 1524.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

И вновь скакун заморский без узды
Помешан на разбойной канонаде:
Видны его кровавые следы
В Ливане, в Никарагуа, в Гренаде...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663